Г8б 5/272

Россійская Коммунистическая Партія.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Г 86 1/2 12

Лука Матвѣевъ.

ОЧЕРКИ ВОЙНЫ.

Цѣна 55 коп.

Изд. „КОММУНИСТЪ“.

МОСКВА.—1918 г.

Россійская Коммунистическая Партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Р86 5/12

Лука Матвѣевъ.

ОЧЕРКИ ВОЙНЫ.

МОСКВА.—1918 г.

18284м
21/IV 1923

Московская Типографія Росс. Фед. Сов. Респ. (б. Синодальная) 1918 г.

Ночь между окопами.

(Изъ воспоминаній).

Непроглядная ночь,—хоть глаза выколи, ничего не видно! Ждешь съ нетерпѣніемъ, когда нѣмецъ броситъ ракету, которая приноситъ одинаково пользу, какъ нѣмцамъ, такъ и намъ, развѣдчикамъ, даетъ возможность благополучно добраться до маленькой рощи, всего изъ шести деревьевъ, между позиціями, откуда ежедневно наблюдаетъ партія развѣдчиковъ за дѣйствіями противника.

Намъ уже знакома вся эта картина.

Вотъ уже полтора года, какъ стоимъ на одномъ мѣстѣ; вторую зиму приходится встрѣчать, по ночамъ, у этой рощи.

Наконецъ, добрались, расположились въ маленькомъ окопчикѣ, выставили два поста впереди и сидимъ.

Небо подернуто цѣлую недѣлю облаками; чувствуется осень, съ ея непрерывными дождями, которые все превращаютъ въ сплошное море грязи, хотя еще только начало сентября. Дуетъ холодный сѣверный вѣтеръ, заползаетъ во всѣ дырки шинели, поднимаетъ полы ея, пронизываетъ насквозь и безъ того окоченѣвшіе члены. Гнутся старыя деревья рощи. Сильный вѣтеръ поетъ унылую, монотонную и въ то же время грозную пѣсню, заглушаетъ все; ничего не видно, ничего не слышно; забываешь все; даже представляешь, что ты здѣсь одинъ и только зорко смотришь впередъ, а самъ думаешь совсѣмъ о другомъ.

Мнѣ всегда жутко бываетъ отъ такого завыванія вѣтра. Онъ сразу меня переноситъ на ту далекую родину, гдѣ такъ еще живы въ моей памяти наша дряхлая избенка на самомъ краю села, съ ея безчисленнымъ множествомъ щелей, какъ въ стѣнахъ, такъ и въ старыхъ окнахъ, куда залѣзаетъ назойливый вѣтеръ, а зимой наноситъ и снѣгу; нашъ старый сарай, скорѣе похожій на навѣсъ, потому что осталась только одна крыша, держится она на столбахъ, а все остальное уже давно испилено на дрова. Избушка раздѣляется на двѣ комнаты: въ передней живутъ только лѣтомъ, а на осень уже заколачиваютъ наглухо досками; въ задней,—маленькой комнаткѣ, гдѣ большую половину занимаетъ старинная глиняная печь,—помѣщаемся мы зимою. Вѣрнѣе, мы жили въ зимнее время исключительно лишь на печкѣ, потому что на полу можно было отморозить ноги.

Какъ сейчасъ помню эту защитницу отъ холода печь, на которой мы, въ одинъ изъ зимнихъ вечеровъ, сидѣли вмѣстѣ съ меньшимъ братомъ, а преждевременно состарившаяся, измученная жизнью мать сидѣла на нарахъ, придѣланныхъ къ печкѣ и состоящихъ изъ двухъ толстыхъ досокъ.

Мать чинитъ старую нашу одежонку, пришиваетъ тридцать первую заплату къ моему зипунишкѣ, на которомъ совершенно невозможно различить той матеріи, изъ которой онъ былъ когда-то и, Богъ знаетъ, кѣмъ сшитъ. Я читаю книжку „Кузьма Рощинъ“ Загоскина, а меньшой

братишка разсматриваетъ картинки въ другой уже книгѣ. Маленькая лампочка безъ стекла служитъ намъ освѣщеніемъ и поставлена на самый край печи, чтобы свѣтомъ могли пользоваться всѣ, а этотъ вѣтеръ, съ его заунывной пѣсней, лѣзетъ прямо въ трубу. Еще въ ту пору я къ нему всегда внимательно прислушивался, что-то другое представляя въ этомъ завываніи, но что именно,—я не могъ и самъ понять. Дрожь пробѣгала по моему тѣлу. Все время прислушивался; бросалъ чтеніе и подъ звуки этой пѣсни въ нашей трубѣ мечталъ: какъ я буду большимъ, кончу какое-то большое и важное училище и сдѣлаюсь, самъ не знаю, кѣмъ,—только обязательно буду ходить въ дорогой шубѣ, въ фуражкѣ съ кокардой и въ хорошихъ сапогахъ...

Да, такъ думаютъ многія бѣдняки-дѣти! Строятъ они въ своемъ дѣтскомъ воображеніи воздушные замки, и этимъ только удается пожить, мечтами; немногимъ удалось получить благополучіе жизни; пробивать бѣдняку дорогу трудно, приходится бороться на каждомъ шагу и всю жизнь. Счастливцевъ среди бѣдняковъ не очень много.

Большая часть изъ нихъ, сдѣлавшись взрослыми, поняла, что не въ шубѣ и фуражкѣ съ кокардой счастье, а, наоборотъ, въ нихъ даже вредъ. Они узнали, кто виноватъ въ ихъ бѣдности, и стремились искоренить зло, т.-е. добиться своего права, добиться справедливости, общаго труда на пользу всего народа, чтобы не было ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, чтобы были всѣ равны, въ чемъ и заключается настоящее счастье людей.

Шорохъ впереди заставилъ меня бросить свои думы и зорко оглянуться вокругъ. Это оказались наши, смѣнившіеся съ поста. Я даже и не замѣтилъ, какъ ушли къ нимъ на смѣну. Мнѣ надо было итти на постъ еще черезъ два часа, а потому, закутавшись поплотнѣе въ свою ветхую шинеленку, я опять погрузился въ свои думы.

Мнѣ вспомнилась исторія поступленія въ начальную школу.

Мать ни за что не хотѣла пустить меня учиться изъ убѣжденія, что я научусь въ школѣ пить вино и курить табакъ; къ тому же некому было тамъ кормить меня. Я согласился кормить себя, младшаго братишку и мать, только бы она пустила меня въ школу, и, послѣ долгихъ убѣжденій противъ науки вообще, мать согласилась. Такимъ образомъ, я сталъ учиться. Тотъ день, когда я поступалъ въ школу, былъ самымъ счастливымъ, свѣтлымъ и радостнымъ днемъ моей жизни.

— Вотъ теперь,—думалъ я въ то время,—научусь скоро читать, какъ читаетъ мой товарищъ Колька, и обязательно узнаю въ книжкахъ: почему нашъ Захаръ (деревенскій кулакъ) богатый, а я бѣдный...

Помню, какъ на зиму мнѣ дали казенные валенки; нашъ лѣсничій, полякъ, купилъ теплую рубашку; другой торговецъ далъ ватную тужурку и шапку, а мать достала гдѣ-то старыя рваныя брюки и съ нерваныхъ лоскутковъ склеила мнѣ нехитрые штаны.

Каждый день я исправно исполнялъ свои обязанности.

Послѣ занятій, выходя изъ школы, тотчасъ же принимался я собирать милостыню, чтобы можно было дома поужинать.

Иногда въ школѣ занятія зимой продолжались до трехъ часовъ, такъ что было уже темно. Школа находилась на другомъ концѣ села отъ нашей избушки, почему, собирая милостыню, я приходилъ домой довольно поздно.

Крестьяне нерѣдко подсмѣивались надо мной. Какъ только я заходилъ въ избу и проговаривалъ:

— Милостыньку, ради Христа!

Мнѣ отвѣчали:

— Петруха, хлѣбъ спитъ...

Но все же мнѣ отламывали и подавали большой кусокъ житнаго хлѣба. Я машинально бросалъ его въ сумку, гдѣ были книги; и книги да этотъ кусокъ хлѣба составляли одно нераздѣльное: они не могли, казалось, существовать въ отдѣльности и какъ бы учили меня одному и тому же—жить.

Въ дѣйствительности было такъ: въ корзину книги класть было неудобно, она большая, а мать сшила мнѣ сумку изъ травяного мѣшка, эта сумка была поудобнѣе.

Кто былъ виновникомъ такой нищеты? Отецъ? У него ничего не было, а что и было, то онъ пропилъ. Къ тому еще онъ былъ больнымъ. Вспоминается мнѣ время при жизни отца. Родился я, какъ узналъ послѣ изъ метрической выписи, въ 1899 г. 24 января, только уже никакъ не упомню, въ какомъ часу и въ какое время сутокъ. Помню, какъ зимами отецъ возилъ меня съ собою и съ матерью куда-то просить милостыню—чуть ли не въ Петрозаводскъ и Архангельскъ.

Но отецъ скоро умеръ,—тогда мнѣ шелъ только пятый годъ. Умеръ онъ дома. Его привезли изъ больницы, и ночью онъ скончался. Простился онъ съ жизнью на нарахъ за печкой, оставивъ насъ на произволъ судьбы съ двумя фунтами ситнаго хлѣба, привезенными изъ больницы, собакой Шарикомъ, долгами и больше ни съ чѣмъ.

Одно время, когда мать ходила на свою родину, въ Онежскій уѣздъ, я жилъ у нашего фельдшера, который хотѣлъ оставить меня у себя навсегда, собирался учить, сшилъ мнѣ хорошій костюмъ, съ презрѣніемъ забросивъ въ уголъ мой старый.

Какъ тепло и уютно было у него. Всѣ меня любили... Вдругъ послѣ Рождества приходитъ къ фельдшеру одна женщина и говоритъ мнѣ:

— Петруха, мать твоя съ Онеги пришла.

И я сейчасъ же, не медля ни минуты, побѣжалъ домой въ холодную, грязную избу и сказалъ матери со слезами:

— Мама, мама... я тамъ не буду, я буду съ тобой... на печкѣ жить будемъ. Я стану ходить просить милостыню...

Значитъ, я самъ не хотѣлъ, чтобы мнѣ было привольно жить. Родной уголъ, печка мнѣ были дороже всего на свѣтѣ!

Я плачу... Лучше вспомню другое—тотъ день, когда я поступалъ въ двухклассное училище въ 26-ти верстахъ отъ нашего села.

У меня было тогда двѣ корзины: одна съ хлѣбомъ, а другая маленькая съ пирогами, которые мать напекла на дорогу. Помню, большую корзину я оставилъ въ коридорѣ за оконными рамами, а самъ съ маленькой поднялся наверхъ въ классъ, гдѣ былъ завѣдующій учитель. Зашелъ, снялъ шапку и остановился въ нерѣшительности. Учитель подумалъ, что я пришелъ просить милостыню, такъ какъ со мной корзина, къ тому же босякомъ и въ рваныхъ штанахъ изъ чертовой кожи.

Онъ обратился ко мнѣ;

— Ты, мальчикъ, не сюда попалъ... Вотъ тамъ дверь, напротивъ, зайди, и тамъ тебѣ подадутъ.

Только тогда я полѣзъ подъ рубашку, подвязанную шпагатомъ, гдѣ были спрятаны письмо отъ нашего сельскаго учителя и свидѣтельство объ окончаніи однокласснаго училища.

Завѣдующій быстро пробѣжалъ глазами документы, и я дня черезъ три былъ принятъ учиться на казенный счетъ.

Вспомнилось также мое путешествіе въ г. Петрозаводскъ, чтобы поступить въ учительскую семинарію. Я отправился тогда съ 3 рублями въ карманѣ за пятьсотъ верстъ отъ дому.

Ненастные были эти дни! Постоянные поиски хлѣба и въ то же время уроки, жажда къ знанію... Не могъ вытерпѣть! Нехватило силъ! И на второй годъ осенью я пустился бѣжать сюда... и вотъ уже сколько здѣсь! Сижу въ этомъ грязномъ окопчикѣ, слушаю все тотъ же назойливый свистъ вѣтра, который каждымъ своимъ порывомъ заставляетъ вспоминать горькое прошлое.

Да не эти ли книги, не эта ли жажда стремленій къ лучшей жизни и съ нею безысходная доля заставила меня идти сюда? Не эти ли многія изъ прочитанныхъ мною книгъ манили меня всюду, и я старался узнать изъ нихъ дѣйствительность, узнать тотъ невыяснимый, какъ казалось, законъ человѣческой жизни.

Немало бѣдняковъ-дѣтей со свѣтлыми стремленіями, съ дѣтскими мечтами, когда еще въ душу ребенка не залѣзъ корень зла, бросается искать себѣ счастья, желаетъ сбросить съ себя эту дырявую бѣдность; проходитъ тернистый путь, кончаетъ бѣднякъ тяжелую школу жизни, и только рѣдкій увидитъ свѣтъ, выйдетъ на ту желанную дорогу, о которой мечтала его дѣтская головка, когда онъ чуть не погибалъ съ голоду и холоду; ходилъ въ лохмотьяхъ и дырявой обуви въ морозную зиму и почти голый въ знойное лѣто и осень. Ему нѣтъ спасенія! На него рѣдкій обращаетъ вниманіе, ему нужно достичь всего самому.

Невольно выступили на глаза слезы.

Въ это время старшій надъ нами толкнулъ меня:

— Петька, а Петька, на постъ собирайся!—и, увидѣвъ мои слезы, ехидно воскликнулъ:

— Да ты никакъ плачешь—а-а?! Теперь пожалѣлъ, что пошелъ добровольцемъ?! Васъ всѣхъ пороть надо!..

Въ походѣ.

У кого что болитъ, тотъ о томъ и говоритъ.

(Русская пословица).

1.

Мартовское наступленіе 1916 года. Арестованъ нашъ корпусный командиръ генералъ-отъ-инфантеріи Д.; полковникъ сибирскаго стрѣлковаго полка; милліонъ разбросанныхъ напрасно снарядовъ; тысячи убитыхъ и раненыхъ и жалкіе остатки солдатъ по сто, двѣсти штыковъ въ каждомъ отдѣльномъ полку.

Ко всѣмъ этимъ печальнымъ дѣламъ добавить надо разливъ, такъ неожиданно случившійся, за послѣдніе два дня. Болото, покрытое на десятки верстъ сплошнымъ лѣсомъ, благодаря оттепели, ожило и развернуло свои богатства: оно превратилось въ сплошное озеро. Снѣгъ таялъ снизу не по днямъ, а по часамъ, и образовавшуюся воду, благодаря утреннимъ заморозкамъ, превращало въ ледъ. Скверная дорога, размолотая колесами, представляла изъ себя рѣчку, въ одномъ мѣстѣ глубокую, въ другомъ мелкую.

И вотъ на этой дорогѣ-рѣкѣ стоятъ жалкіе остатки нашего полка сидѣвшіе уже почти двое сутокъ безъ хлѣба, по колѣно въ водѣ ,

снѣгу; ободранные, въ ветхихъ шинеленкахъ и сапогахъ, такъ что не стоитъ и напоминать, что у всѣхъ полные сапоги воды, и что они всѣ чуть ли не окоченѣли отъ холода. Стоятъ, переступая съ ноги на ногу и сгибаютъ свои члены, насколько возможно, чтобы отогрѣть себя хотя сколько-нибудь.

Ждутъ приказа выступать. Они знаютъ заранѣе, куда идутъ, и что будетъ,—давно съ опытомъ. Всѣ прекрасно представляютъ, что пойдутъ теперь въ армейскій или фронтовый резервъ для сформированія полнаго комплекта полка; ежедневно придется мѣсить грязь по дорогамъ въ эту распутицу по 30 верстъ въ сутки; обогнуть сотни верстъ; наши будутъ искать маршевыя роты, а тѣ, послѣднія,—ихъ; изорвутъ свое послѣднее дряхлое обмундированіе, проклянутъ все, что придетъ на умъ озлобленному, изможденному, голодному солдату, и впослѣдствіи тѣ, кто ѣздитъ на автомобиляхъ, кто носитъ мундиры съ красными отворотами, бросятъ ихъ гдѣ-нибудь на одномъ изъ участковъ нашего безконечно длиннаго фронта, какъ въ помойную яму, какъ «негодную капусту»,—какъ часто они выражались по адресу тѣхъ невинныхъ овецъ, которыя покорно отдавали свои головы во имя славы ихъ порабо-тителей.

Выступленіе было назначено ровно въ шесть часовъ утра. Всѣ уже построились, приготовились къ походу и ждутъ полчаса, а все еще ничего не слышно. Солдаты уже начали отходить въ сторону отъ дороги. Прижимались къ деревьямъ и другъ къ другу, грѣлись, какъ только могли. Со стороны можно было подумать, что это—сумасшедшіе: прыгаютъ, смѣются... хотя этотъ смѣхъ хуже горькой рѣдьки и слезъ.

Вдругъ сзади насъ послышался топотъ лошади. Это оказался нашъ начальникъ команды. Въ моментъ всѣ выстроились на дорогѣ, и старшій команды, подпрапорщикъ, громко крикнулъ:

— Смир-р-но! Равненіе на-право!!!

— Здорово, орлы!—привѣтствовалъ начальникъ.

— Здрав... желаемъ, ваш... скродь!

— Вольно!—послѣдовала команда.

И опять стоимъ.

Черезъ десять минутъ снова та же команда и «здоровканье» съ наблюдающимъ за командой, который подалъ надежду, что къ семи часамъ обязательно выступимъ.

— Что же?! Они, должно-быть, насъ заморозить хотятъ! — замѣтилъ одинъ солдатъ.

— Не заморозятъ и не отогрѣютъ...—пояснилъ другой.

— О-о-й! Больше не могу стоять! Чортъ ихъ знаетъ, скоро ли пойдемъ-то, наконецъ?!—съ отчаяніемъ произнесъ молодой солдатъ. Онъ весь дрожалъ; зубы выколачивали дробь противъ воли бѣдняги. Это былъ мордвинъ и звали его Яковъ-Иванъ Васильевичъ изъ-за того, что, придя на службу, онъ, не зная самъ почему, записался Иваномъ, а на самомъ дѣлѣ крестили его Яковомъ.

— Вотъ еще, сѣрый чортъ, не знаетъ, когда пойдемъ. Да вѣдь, командиръ полка еще не здоровался, — извѣстно, сѣрая порція... — съ ироніей проговорилъ одинъ солдатъ, сплюнулъ и крѣпко выругался по адресу полковника.

Солдаты были рады хотя чѣмъ-нибудь развлечься, а потому го-рячо подхватили эту насмѣшку и продолжали:

— Да ему еще служить-то, какъ полковой лошади. Гдѣ же все знать... вѣрно, Тятька?

— О-о-о, ему служить сорокъ лѣтъ безъ побѣгу, а побѣгъ сдѣлаетъ, еще столько прибавится... Смотри, у него молоко на губахъ не обсохло; мать стоитъ на станціи, плачетъ...—отозвался Тятька.

Въ это время пронеслось по строю:

— Командиръ полка ѣдетъ!

— Стать въ порядкѣ! Стать въ порядкѣ!—послышалось отовсюду.

Дѣйствительно, ѣхалъ командиръ полка. Онъ уже здоровался съ ротами. Наконецъ, такой чести удостоились и мы. Послѣ обыкновеннаго привѣтствія онъ далъ наставленіе о порядкѣ, который должны строго соблюдать въ походѣ:

— Братцы!—крикнулъ онъ, при чемъ всѣ замолкли.—Не бросать дорогой матъ, не растягиваться! Вамъ самимъ легче итти будетъ.

При этихъ словахъ Дема разразился бранью:

— Ишь, поетъ, распротакъ его—лекше идти... Пожрать бы, сказалъ, надо дать, а то: «матъ не бросай, не растягивайся». А того не подумаетъ, и въ голову даже не придетъ, что мы голодны, не жрали ничего, крохи въ ротъ цѣлыя сутки не брали; кишки сватаются у каждаго въ желудкѣ...

Я и забылъ сказать, что солдаты носили съ собою соломенныя маты, такъ какъ лошадей жалѣли,—онѣ-де стоятъ очень дорого, а потому-то, что не могли везти лошади, давали солдату, и слово «солдатъ» часто замѣнялся просто—«полковая лошадь».

Командиръ полка выѣхалъ впередъ знамени и оттуда уже сказалъ давно ожидаемое:

— Можно двигаться.

И полкъ тронулся.

— Эхъ, Дема, сытый голоднаго никогда не разумѣетъ, — началъ Тятька.— Да ты смотри, онъ какъ нажрался, еле дышитъ, сидя на лошади... Ему хоть бы што. На пятьдесятъ верстъ походъ не страшенъ. А о насъ имъ нечего заботиться, — они насъ и такъ хуже собакъ считаютъ...

Подскочилъ Ершовъ:

— Дай, Дема, докурить? Сегодня вовсе не курилъ и найти табаку здѣсь нигдѣ нельзя.

— Я самъ только-что взялъ у Мишки окурокъ, проси у него.

— Ну, оставь хоть разъ затянуться?—приставалъ Ершовъ.

Дема, видимо, разсердился:

— Ступай ты!.. Пристадъ, какъ банный листъ. Видишь: самъ всѣ пальцы обжогъ.

— Ну, на ладошку положь, а все-таки дай!

Дема кладетъ маленькій окурокъ на ладонь Ершова. Послѣдній протыкаетъ его соломинкой; ему только можно взять въ ротъ и затянуться одинъ разъ.

Полкъ медленно подвигался впередъ. Солдаты разбрелись въ сторону отъ дороги, молча шли и представляли изъ себя скорѣе толпу бурлаковъ, съ той только разницей, что у первыхъ вмѣсто багровъ—винтовки. Многіе часто проваливались въ ямы съ водой, думая, что мелко; снова вылѣзали и шли. Некогда разуваться, выжимать портянки, шаровары и шинель. Тяжесть прибавлялась, а силы истощались. Бросали маты, сумки, такъ какъ не могли тащить на себѣ мокрой одежды.

Шли, бранились про себя самыми отборными словами; опустили головы, и каждый изъ нихъ погруженъ въ тяжелыя, обидныя думы. Если заглянуть въ душу каждаго, то окажется, что всѣ они злы на

своихъ командировъ, которые легко сидятъ на лошади, плотно поѣли и не хотятъ даже имѣть на себѣ оружіе и полевыя сумки,—все отдали своимъ денщикамъ.

Проѣхалъ командиръ полка съ наблюдающимъ за командами около солдатъ. Лошади грузно ступали по жидкой грязи и брызгали рядомъ идущихъ.

Сколько ненависти видно въ лицахъ солдатъ, забрызганныхъ грязью, къ этимъ сытымъ, довольнымъ людямъ.

— Поѣхали опять подгонять «кобылу» отставшую,—говорилъ про себя каждый солдатъ.

Кругомъ роптали; нечеловѣчно злые, грубые люди ругались, подбирая слова, какъ можно грубѣе, безстыднѣе.

И все это—вся ненависть и грубая ругань—только потому, что каждый сознавалъ и зналъ своихъ главныхъ виновниковъ, которыхъ нѣтъ здѣсь и никогда не было. Они гдѣ-то тамъ, далеко; давно они уѣхали на автомобиляхъ и теперь сидятъ въ хорошемъ помѣщеніи; допиваютъ десятую бутылку коньяку, заѣдая бѣлымъ хлѣбомъ съ сыромъ, ветчиной и т. д. Думаютъ снова о томъ, какъ бы скорѣе сформировать побольше ословъ и «заткнуть» гдѣ-нибудь дыру, т.-е. погубить напрасно корпусъ живыхъ, здоровыхъ, цвѣтущихъ людей, превратить въ мясо, часть сдѣлать калѣками, а остатки заморить голодомъ и нечеловѣчно трудными походами.

Если придется встрѣтить изъ нихъ одного чувствующаго, то другіе просто, хладнокровно успокоятъ:

— Этой капусты хватитъ, —жалѣть нечего...

Ступая по жидкой грязи, мы подошли къ разлившейся низинѣ: по дорогѣ и по сторонамъ.

Офицеры думали проѣхать прямо, но лошадямъ было выше живота, такъ что вернулись обратно.

Пришлось обходить. Солдаты сначала перепрыгивали съ кочки на кочку, но потомъ стало мельче, и пошли прямо по водѣ.

— О, Господи, когда же, наконецъ, мучить перестанутъ?!. — невольно воскликнулъ одинъ.

— Какъ слѣдуетъ помучатъ; когда кровинки въ тебѣ не будетъ, тогда убьютъ...—отозвался другой.

— Не могу больше нести маты. Что будетъ,—все равно брошу!— сказалъ кто-то съ сосѣдней роты.

— Бросай къ чертямъ, гдѣ тутъ нести... Я тоже бросилъ,—посовѣтовалъ кто-то.

— Смотрите, Тятька упалъ!—крикнулъ Дикунъ.

Всѣ обернулись. Дѣйствительно, онъ былъ по шею въ водѣ, только не упалъ, а провалился въ яму.

— Помогите кто-нибудь ему вылѣзти-то!

Окружили.

— Давай сюда винтовку!

— Брось мату, что ты мучаешься съ ней?

— Мѣшокъ-отъ брось,—совсѣмъ намокъ...

Предлагали разное Тятькѣ наперебой, стараясь вытащить его. Винтовку кто-то понесъ за него, а остальное пришлось бросить, потому что онъ не могъ нести одной намокшей шинели.

— Остановись!..—послышалось строго.—Что растянулись?! Ноги отсохли, что ли?!..

Оказалось, что многіе не могли итти и рѣшили остаться передохнуть, но командиръ полка, находившійся въ хвостѣ, замѣтилъ это и приказалъ остановиться, чтобы подтянулись.

Солдаты медленно собирались. Кругомъ толкались, ругались отъ злобы и голода, не зная, что дѣлать. Наконецъ, командиръ полка передалъ по строю:

— Впередъ!

И полкъ двинулся дальше.

2.

Не прошло и десяти минутъ, какъ дорога свернула влѣво. Невдалекѣ кончался лѣсъ, и начиналось поле. Воды становилось меньше, но итти было не лучше, потому что воду замѣнила грязь по колѣно. Солдаты съ трудомъ передвигали ноги, а когда вышли въ поле, то еще стало хуже. Глинистая почва до того размякла и всасывала въ себя сапоги, что многіе вытаскивали голыя ноги, а сапоги вынимали уже руками.

Лѣсъ спасалъ насъ отъ вѣтра, а, выйдя въ поле, вѣтеръ точно со злостью, какъ бы желая наверстать утерянное, принялся пронизывать насквозь окоченѣвшихъ, измокшихъ до нитки людей.

— Стой! Стой!—пронеслось опять по строю.

— Что такое? Такой вѣтеръ, а ты стой, — пролепеталъ Тятька.

— Ложись, ребята,—аэропланъ летитъ!– думалъ пошутить одинъ изъ солдатъ, но никто не могъ принять шутку, —такъ всѣ недоумѣвали, зачѣмъ ихъ остановили. Осматривались по сторонамъ и другъ на друга, медленно стягиваясь въ кучу.

Мокрая одежда мѣшала двигать членами; отъ нея было холодно. Всѣ дрожали, сгорбившись, еле шевеля ногами.

Но и тутъ, несмотря на все, солдаты находили случай развлечь себя, забыть свое безвыходное положеніе. Развеселый, никогда не унывающій Мишка сложилъ въ муфту руки, съежился и, сложивъ губы въ трубочку, бурчалъ въ носъ какой-то веселый маршъ. Около него собралась большая кучка солдатъ.

— Эхъ, кабы косушку сейчасъ, — все горе долой... Что ты, Тятька, пріунылъ?

— Къ чорту съ вашими косушками. Отпустили бы совсѣмъ отсюда; было бы лучше.

Подошелъ Дикунъ и дернулъ Мишку за рукавъ.

— Миша, разскажи, какъ вчера кошелекъ съ пуговицей нашелъ?

— Ахъ, да лучше слушай, Тятька, чѣмъ нюни распускать. Вчера идемъ на заставу,—ни зги не видно, вѣтеръ, дождь. Только на опушку вышли, Мамыкинъ и бухъ въ воронку, а тамъ убитые... Его и всасываетъ между ними; еле вытащили, а то бы сегодня панихиду служили. Когда пришли на мѣсто, то насъ четверыхъ отправили въ секретъ къ лѣвому флангу. Къ полуночи начало приморaживать, ледкомъ покрылось. Стоимъ и топчемся на одномъ мѣстѣ всѣ четверо. Вдругъ чувствуемъ подъ ногами мягкое,—смотримъ: убитый лежитъ. Тѣ трое соскочили, а я запутался въ шинели,—нога попала въ рваный карманъ; нагнулся и вижу, что голова и правая рука оторваны. Ноги никакъ не могъ вытащить. Такъ пришлось руками освободить; да тутъ-то и нащупалъ вотъ этотъ кошелекъ, — показывалъ Мишка старый замшевый кошелекъ.—Открываю: рваная колода картъ,—какъ только она

не подмокла! — и пуговица отъ портокъ бѣлая. Грѣшнымъ дѣломъ, не вытерпѣлъ, сказалъ: «Эхъ, землякъ, не знаю, какой ты губерніи, а видно проигрался въ конецъ, все въ двадцать одно просмотрѣлъ».

Солдаты разсмѣялись, а Мишка съ важностью замѣтилъ:

— На память сохраню и карты, и пуговицу,—на счастливую руку повезетъ.

— Ребята, смотрите,—вонъ командиръ полка солдата бьетъ,—сказалъ кто-то изъ ротныхъ.

Всѣ оглянулись назадъ, отойдя немного въ сторону. Дѣйствительно, командиръ полка билъ своимъ стэкомъ солдата, приговаривая:

— Ахъ, ты, дармоѣдъ! Итти не можешь?! Я тебя выучу, какъ маты бросать.

Бѣдный солдатъ напрягалъ всѣ силы скорѣе дотащиться до своей роты, но онѣ отказались служить ему. Глина такъ всосала въ себя сапогъ его, что онъ тутъ же упалъ, послѣ чего командиръ полка оставилъ его въ покоѣ. Оставивъ солдата, онъ выѣхалъ на середину полка съ правой стороны, весь побагровѣвшій отъ гнѣва, и крикнулъ со всей злобой:

— Вы—дармоѣды! Вамъ только жрать! Напихаетъ полный мѣшокъ хлѣба, и маты отказывается нести. Оголили Россію! Весь хлѣбъ сожрали,—на полгода нехватитъ! Продолжайте путь, твари!

Солдаты были ошеломлены такой грубостью и въ недоумѣніи стояли на мѣстѣ, не желая двигаться, пока каждый изъ ротныхъ командировъ не произнесъ три раза команду:

— Шагомъ маршъ!

Поднялся ропотъ.

— Вотъ такъ дождались,—оголили Россію... дармоѣды... То-то двое сутокъ крохи не видали!

— Подождите, не то еще будетъ, какъ продадутъ нѣсколько армій!

Вмѣшался и Тятька:

— Вотъ я Портъ-Артуръ сдавалъ въ 5-мъ году, а теперь Варшаву сдалъ, Москву осталось только сдать,—насмѣшливо произнесъ онъ и добавилъ:—Нѣтъ, ребята, что-то тутъ неладно.

— Да что тутъ говорить: ладно—неладно,—заговорилъ запасной солдатъ Тихоновъ:—перебьютъ насъ всѣхъ, искалѣчатъ, а потомъ мы и виноваты будемъ. Думаете, насъ пожалѣютъ,—дураками будете. Отецъ родной куска хлѣба не дастъ, прежде чѣмъ не скажетъ: „А, вояка! Провоевалъ все, а теперь домой хлѣбъ пріѣхалъ ѣсть“. Это еще ничего, а вся остальная сволочь тебѣ проходу не дастъ. Какъ былъ солдатъ скотиной, такъ и впредь звать будутъ. Кто солдатъ, тотъ, значитъ, самый послѣдній человѣкъ. А если разобраться, то и на самомъ дѣлѣ намъ говорилъ Синявскій; мы все его ругали и не вѣрили... не нужна намъ война. Мы все равно ничего не получимъ; это только нарочно намъ обѣщаютъ землю и т. д. Вотъ сколько милліоновъ погибло и еще столько же загубятъ; перебьютъ, какъ сивыхъ козъ. Они насъ продадутъ,—чины за это получатъ, а мы виноваты будемъ. Мы здѣсь страдаемъ, а тамъ, въ тылу, родные наши не лучше живутъ. Смотрите, теперь товары какіе дорогіе стали; однимъ словомъ, обдираютъ съ ногъ до головы, и самую-то голову подставляй.

— Да, правду тогда говорилъ Синявскій, вѣкъ не забуду его словъ,—началъ Кондейко:—что только мы сами можемъ кончить войну, такъ какъ генераламъ да заводчикамъ только на-руку: сколько угодно воюй. Имъ свободно распоряжаться нами, сидя въ тылу: ни голоду, ни холоду

они не знаютъ, а чины да деньги сами къ нимъ лѣзутъ. Каково бы было, если бъ ихъ всѣхъ сюда притянуть?!

— Сюда притянуть?!—насмѣшливо проговорилъ одинъ.

— Калачомъ не заманишь. Онъ тогда всѣ деньги и чины отдастъ, а сюда не пойдетъ. Имъ хорошо и въ тылу кричать: война до побѣднаго конца,—ни жарко, ни холодно.

— Да и вѣрно, ребята, такъ и будетъ на самомъ дѣлѣ: коли возьмемся за нихъ какъ слѣдуетъ,—миръ заключимъ, и имъ всѣмъ хвосты подожмемъ... Они такъ ужъ много морочили нашего брата, больше невтерпежъ стало...

Вели мы такіе разговоры, да и не замѣтили, какъ прошли версты три. Впереди виднѣлась рѣка.

— Смотрите, ребята, рѣка-то разлилась,—замѣтилъ одинъ, когда мы поднялись на маленькое возвышеніе, и впереди ясно вырисовывалась черная змѣя—рѣка, налѣво въ низинѣ, затопившая поле.

— Вѣрно, вѣрно,—сказалъ одинъ, всматриваясь по дорогѣ.—А гдѣ же мостъ,—его совсѣмъ не видно.

— Да и не должно быть видно его, потому что его снесло водой. Вчера ѣздили сюда наши развѣдчики искать бродъ, и вотъ сейчасъ мы будемъ здѣсь переходить,—освѣдомилъ насъ еврей Давыдка.

— Какъ же переходить?! Вѣдь, рѣка эта глубокая,—удивился Дикунъ.

— Она еще не прошла. Это только сверху вода, а тамъ ледъ. Воды на полтора аршина, но переходить будемъ такъ, какъ раньше переходили: шинель поднялъ и дуй по рѣкамъ Вавилонскимъ,—сказалъ снова Давыдка и отошелъ въ сторону.

— Спаси Богъ, если кто утонетъ,—послышался голосъ сзади, а другой отвѣтилъ утвердительно:

— Надѣяться нельзя,—быстрое теченіе.

Подошли къ рѣкѣ. Страшно было ступить въ эту мутную воду, не зная достовѣрно ея глубины. Берегъ отлогій, глинистый, всасываетъ грязь въ себя, сапоги чавкали, какъ жадная акула, глотая добычу. Солдаты разбрелись по берегу, отыскивая болѣе мелкаго мѣста, но оказалось, что переходить можно только около большого моста. Офицеры, ротные и батальонные командиры начали сразу переѣзжать, а солдаты и младшіе офицеры подняли полы, а первые и винтовки, и побрели.

Вода была до того холодная, что невольно всѣ стиснули зубы и старались какъ можно скорѣе перебраться. На серединѣ глубина доходила до двухъ аршинъ. Краснянскій, солдатъ маленькаго роста, не могъ удержаться на ногахъ, поскользнулся и упалъ.

— Братцы, помогите!—еще успѣлъ крикнуть бѣдняга.

Еврей Давыдка, какъ ближе находившійся къ нему, успѣлъ его ухватить за полу шинели, но поскользнулся самъ и тоже упалъ. Сразу бросилось человѣкъ пять. Живымъ могли вытащить только Давыдку, а Краснянскій уже захлебнулся.

Въ это время я тоже чуть не упалъ, потому что мнѣ вода была до шеи, но Дема схватилъ меня какъ-разъ во-время.

— Вотъ его бы (меня, значитъ),—не стоило бы спасать,—на кой чертъ шелъ!—грубо огрызнулся одинъ.

— За крестами погнался!? Если бы не вытащить, такъ и получилъ—дубовый,—сказалъ Дема, продолжая поддерживать меня.

— Пороть некому было. Учиться, должно, не хотѣлъ, такъ побѣжалъ сюда, думая, что здѣсь слаще и воли больше...—проговорилъ первый голосъ.

Возражать мнѣ этимъ озлобленнымъ людямъ и оправдывать себя казалось совершенно безполезнымъ. Они, все равно, ничего не поймутъ, напротивъ, больше озлятся, и будетъ хуже. Къ тому же, я давно привыкъ къ подобнымъ насмѣшкамъ, такъ какъ онѣ случаются семь разъ на день.

Переправа полка заняла полчаса. Переднія роты и наша команда раздѣвали сапоги, выливали изъ нихъ воду и выжимали рваныя и грязныя портянки. Подпрапорщикъ пошелъ доложить начальнику объ утонувшемъ Краснянскомъ.

— Ваше высокородіе, человѣкъ нашъ одинъ утонулъ.

— Какого взвода?—сердито спросилъ начальникъ.

— Краснянскій, четвертаго взвода, ваше высокородіе.

— Зачѣмъ плохо смотрѣлъ... другіе впередъ осторожнѣе будутъ...—таково было послѣднее слово утонувшему.

Тятька заворчалъ:

— Эхъ, разнесчастная пѣхота! Ни черта ты не получишь, не тиранишь,—только мучишь!—И, выжимая изорванную портянку, добавилъ:—Потиранить, сколько надо, а потомъ въ тар-тарары загонитъ.

Конечно, онъ произнесъ это съ тѣми „словечками“, какихъ нельзя допустить ни въ одной грамматикѣ.

Шумно бѣжала вода, вырываясь изъ-подъ ногъ солдатъ, которыя разсыпались по рѣкѣ и шли другъ за другомъ многими цѣпями. Оторванные отъ другихъ влѣво, упали въ воду еще два солдата седьмой роты. Оказалось, что они попали въ полынью. Наконецъ, всѣ переправились, выдвинулись дальше на берегъ и, насколько возможно, въ порядкѣ двинулись дальше.

На пути попалась одна маленькая деревушка, въ которой стоялъ нашъ обозъ второго разряда, вчера еще вечеромъ выѣхавшій дальше въ тылъ. Всѣ думали, что здѣсь остановятся ненадолго, и немного повеселѣли, но командиръ полка не разрѣшилъ отдохнуть и минуты.

— Сколько, панъ, верстъ будетъ до деревни Бровки?—попытался спросить Давыдка, оправившійся уже отъ купанья, у мѣстнаго жителя, который вышелъ изъ любопытства посмотрѣть на проходившихъ солдатъ.

— А може верста, а може двѣ...—отвѣтилъ онъ.

— Ни черта у нихъ не добьешься! Все равно, они не знаютъ, что за полторы версты отъ нихъ есть.

— Какъ они живутъ здѣсь, ей Богу?—началъ Дема, разводя руками.—Когда ни спроси, такъ скажутъ: „а може верста, а може двѣ, шмакъ поля да каналокъ лѣсу“, и понимай, какъ хочешь.

— Да что они знаютъ,—живутъ, точно звѣри въ лѣсу: лѣтомъ ходятъ въ кожухѣ, а зиму босикомъ, жрутъ въ посты рагеню [1]) и больше ничего...—сказалъ Тятька и сплюнулъ.

Деревня оказалась недалеко за горкой. Квартиры были уже тамъ. Расположились бивакомъ около рѣчки между сараями, а по халупамъ размѣстились только одни офицеры и вся нестроевщина.

---

[1]) Рагеня—жидкое тѣсто, квасится нѣсколько дней, въ которое кладется сахаръ; жители западныхъ губерній ѣдятъ ее съ хлѣбомъ. Любятъ рагеню особенно въ Виленской губ., почему солдаты, когда рѣчь заходитъ о губерніи, просто говорятъ вмѣсто «Виленская» «рагеня».

„Кобылка“,—какъ солдаты привыкли называть себя,—сразу принялась строить для себя „домики,“ т.-е. ставить палатки, у кого онѣ еще уцѣлѣли, разводить огни и грѣть чай.

— Господинъ подпрапорщикъ, когда намъ хлѣба привезутъ?—спросилъ Давыдка.

— Не знаю ничего!..—отвѣтилъ тотъ и ушелъ въ халупу.

— Вотъ чортъ побери, они насъ заморить всѣхъ-должно, быть, хотятъ?! Ребята, у кого есть деньги, идите купите у пановъ сколько-нибудь,—не умирать же намъ съ голоду!

Въ это время подпрапорщикъ вышелъ изъ халупы начальника и крикнулъ:

— Ребята! Скорѣе сушитесь и грѣйтесь, черезъ два часа опять пойдемъ.

На Стоходѣ.

1.

Прошло полъ-мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ наша дивизія заняла позицію по берегу рѣки Стохода. Топкое болото, окаймляющее оба берега рѣки, покрыто камышомъ въ сажень вышиною, который шумитъ, не переставая, и солдатамъ, стоящимъ по ночамъ на посту, бываетъ жутко, такъ какъ все время чудится имъ, что наступаетъ нѣмецъ.

Окопы и ходы сообщенія, благодаря болотамъ, были до того неглубокіе, что двигаться по нимъ днемъ можно было не иначе, какъ свернувшись въ бараній рогъ. Стоять на этой позиціи не было никакой возможности даже теперь, въ іюлѣ, а не только осенью или весной, когда вся окрестность заливается водой, и тонутъ люди,—какъ и случилось, напримѣръ, въ мартѣ 1917 года съ 7* дивизіей.

Нашему корпусу волей-неволей приходилось выбирать одно изъ двухъ: или наступать, или отступить на болѣе удобную позицію, но въ то время мы не думали объ отступленіи, а стремились занять Ковель и Владиміръ-Волынскъ. Поэтому неудивительно, что мы пришли сюда для наступленія; хотя послѣднее и было невозможно на такомъ участкѣ. Между тѣмъ, съ каждымъ днемъ, по приходѣ сюда, все ожидали наступленія, но, какъ видимъ, его все нѣтъ и нѣтъ.

Команда развѣдчиковъ помѣщалась сначала немного впереди штаба полка, въ маленькой низинѣ между полосами пшеницы и мелкимъ кустарникомъ, гдѣ также было нѣсколько молодыхъ дубовъ. Наблюдающему за командой почему-то не понравилось означенное мѣсто, и онъ приказалъ перейти къ штабу.

Какъ сейчасъ помню, пришелъ онъ съ однимъ артиллерійскимъ офицеромъ. Безъ сомнѣнія, была подана команда:

— Встать! Смир-рно!!!

— Здорово, братцы!—привѣтствовалъ насъ наблюдающій.

— Здрав... желаемъ вашъ-скродь!!!—закричали, хотя не дружно, но зато здорово, солдаты.

Начальникъ команды, услыхавъ „здоровканье“, поспѣшилъ выскочить изъ землянки, отдалъ рапортъ о состояніи команды и затѣмъ привѣтствовали другъ-друга рукопожатіемъ.

Всѣ, кто находился внѣ землянокъ, обступили начальствующихъ особъ и не безъ интереса стали подслушивать о томъ, что наблюдающій передавалъ начальнику.

— Вамъ, поручикъ, нужно перейти къ штабу полка, а то здѣсь совсѣмъ неудобно стоять. Да?

— Никакъ нѣтъ, господинъ полковникъ, только вчера закончили устройство землянокъ, и теперь намъ здѣсь хорошо; мѣсто закрытое—низина, и, къ тому же, отсюда ближе ходить на развѣдку.

— Нѣтъ, нужно перейти! Я вижу, что здѣсь вамъ плохо...

— Помилуйте, господинъ полковникъ, у насъ тридцать человѣкъ сейчасъ находятся на развѣдкѣ.—Вы сами прекрасно знаете, что они дежурятъ по цѣлымъ суткамъ, въ виду постройки и охраны мостовъ, въ камышѣ на болотѣ. Вечеромъ ихъ смѣнимъ; гдѣ же они сушиться будутъ? Равно также и эта смѣна придетъ завтра, вечеромъ,—тоже еще не будетъ ничего устроено, потому что землянки скоро не сдѣлаются.—И, опустивъ голову, онъ добавилъ какъ бы про себя:—Лучше бы сразу туда размѣстили.

— Безъ разговоровъ! Я приказываю, и нужно исполнить. Что за возраженія?!

— Г... с... п...—хотѣлъ-было оправдаться начальникъ, но наблюдающій остановилъ:

— Не разсуждать!!! Чтобъ вечеромъ быть около штаба!—Съ этими словами онъ чуть дотронулся правой рукой до головного убора, буркнулъ что-то артиллеристу-офицеру, при чемъ тотъ улыбнулся, и тотчасъ оба ушли.

Разговаривать больше не приходилось, а потому начальникъ, выругавшись нѣсколько разъ про себя, крикнулъ:

— Ребята!—Переходите скорѣе къ штабу полка, переносите туда всѣ вещи, пока еще не надо итти на развѣдку, и приступайте немедленно къ устройству новыхъ землянокъ!

Какъ ни хотѣлось намъ переходить туда, строить новыя землянки, т.-е. рыть четырехугольныя ямы, таскать на себѣ лѣсъ, но приказъ, какой бы онъ ни былъ, нужно исполнить, потому—дисциплина.

Конечно, не обошлось безъ проклятій по адресу наблюдающаго, безъ того солдатскаго краснорѣчія, которое въ пылу гнѣва поноситъ, на чемъ свѣтъ стоитъ, Бога... боженятъ... какую-то небесную канцелярію... животъ... печенки... селезенки... телеграфный столбъ... войну... отца... мать... прадѣдовъ... преисподнюю и т. д.

Эта площадная брань нигдѣ такъ не развилась, не имѣла такой силы, какъ среди солдатъ, благодаря ужасному образу ихъ жизни, благодаря проклятой дисциплинѣ—тиранству.

Каждое изъ этихъ крѣпкихъ словъ произносилось съ такимъ спокойствіемъ и непринужденностью, что каждый слушающій могъ быть увѣреннымъ во всемъ, что бы ему ни говорили; эти слова скрѣпляли каждое слово солдата и были такъ же одинаково вѣрны и точны, какъ паспортъ, выданный кому-либо волостнымъ совѣтомъ, за подписью и приложеніемъ печати, съ которымъ никто не задержитъ, и можно гдѣ угодно жить во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ нашей обширной Россійской республики.

Съ такими канонами и ирмосами неистощимаго запаса солдатскаго краснорѣчія, богатѣйшей солдатской памятки мы перешли къ штабу полка и черезъ два дня уже помѣщались во вновь устроенныхъ землянкахъ.

Сегодня, еще съ утра, наша газета „Солдатскій Вѣстникъ“, который былъ у насъ во образѣ еврея Давыдки, оповѣстилъ всѣхъ и всюду, что завтра, съ шести часовъ утра, начнется артиллерійская подготовка, а почью пойдутъ въ наступленіе нашъ полкъ и два батальона П—го полка на участкѣ 3-й роты, гдѣ позиція противника вдалась къ намъ

острымъ угломъ, и гдѣ, по мнѣнію нашихъ стратеговъ, было самое удобное мѣсто для прорыва фронта, и откуда черезъ два дня, по щучьему хотѣнью, заберемъ Ковель.

Не буду подрывать уваженія къ нашимъ знатокамъ военнаго дѣла, но все же чешется языкъ, хотя уже и поздно, сказать, что этотъ участокъ вовсе не подходилъ для наступленія, несмотря на слабыя силы противника, плохія укрѣпленія и другія, благопріятныя для прорыва условія.

Правда, можно иногда дѣйствовать и на такомъ участкѣ, какъ въ данный моментъ, а именно: пространство до этого угла представляло непроходимое болото, и, по захватѣ первой линіи окоповъ, насъ ожидалъ безпощадный, продольный и перекрестный огонь справа и слѣва и ураганный орудійный огонь по подкрѣпленію, для котораго нѣтъ вовсе укрытій ни отъ какого огня. Между тѣмъ, въ семи верстахъ лѣвѣе отъ насъ было вполнѣ удобное мѣсто, удовлетворяющее какъ стратегическимъ, такъ и тактическимъ условіямъ.

Вообще у насъ никогда не думали сдѣлать прорыва, а только лишь пытались незначительными силами, что и погубило нашу армію; уничтожали часть, немного погодя, бросали другую, а за ней и третью. Къ этому уже привыкли солдаты и подобное наступленіе просто называли:

— „Ура“ кричать идемъ...

Въ мѣстной газеткѣ „Солдатскій Вѣстникъ“, заполнявшейся чуть ли не наполовину моимъ отдѣленнымъ командиромъ Петровымъ, сообщалось—полное отсутствіе въ обозѣ мяса и масла, такъ что кашу сегодня придется варить „сухую“, а про мясо никто и не говорилъ, такъ какъ его уже давно не видали, и его замѣняли вобла, чечевица и еще какая-то сушеная рыба съ ячменной крупой.

Хотя солдаты не особенно вѣрили предстоящему наступленію, но все же готовились къ нему, подробно обсуждали ходъ его и заранѣе предугадывали, какое будетъ начало и какой результатъ.

— Да, что жъ, наступимъ... Если орудія разобьютъ окопы и проволоку, то заберемъ окопы.

— Забрать-то мы и лбомъ теперь научились, а дѣло въ томъ, что поддержки не дадутъ,—какъ раньше бывало.

— Ну, тогда „ура“ покричимъ и обратно.

Такъ обыкновенно заканчивали разговоры о наступленіи солдаты; они давно уже научились угадывать результатъ всѣхъ нашихъ атакъ.

День былъ жаркій, на небѣ ни облачка. Легкій южный вѣтерокъ еле колыхалъ листья и тонкія вѣтки дубовъ. Впереди ясно вырисовывался за рѣкой лѣсъ, по опушкѣ котораго тянулась позиція противника; влѣво виднѣлся лѣсъ, что примыкалъ къ лѣвому флангу позиціи нашего полка, гдѣ помѣщался полковой резервъ; совершенно открыта была средина и правый флангъ до нашего лѣса, на разстояніи полутора верстъ, гдѣ большею частью было болото, покрытое густой травой, и только около опушки тянулось непирокое поле, засѣянное пшеницей и засаженное картошкой. Сзади былъ разрушенный хуторъ, а слѣва въ такомъ же состояніи фольваркъ, куда нѣмецъ ежедневно бросалъ снаряды.

Солдаты всѣ повылѣзли изъ землянокъ и располагались подъ деревьями. Кто лежалъ, заложивъ обѣ руки за голову, даже не желая согнать съ носа мухъ, которыя роемъ садились на лицо и кусали до боли; кто лежалъ, въ сотый разъ разсматривая маленькую книжечку съ портретами бывшей царской семьи, подаренную на праздникъ Св. Пасхи „заботливой“ императрицей. Другихъ книгъ не было, и волей-

неволей приходилось смотрѣть эти портреты и автографы нашихъ владыкъ и высочайшіе указы относительно военныхъ дѣйствій и уставъ о трехрублевыхъ пенсіяхъ искалѣченнымъ воинамъ на махорку. Нѣкоторые чинили свою изодранную одежду и привязывали шпагатомъ головки къ голенищамъ или подметки къ головкамъ. Многіе отъ скуки играли въ „шестьдесятьшесть“, въ „козла“, въ „подкидного“, а въ одномъ мѣстѣ столпилось человѣкъ восемь, изъ коихъ пятеро играли въ „очко“, а трое, видимо, проигравшіеся, смотрѣли на игроковъ, удивляясь выигрышу одного и проигрышу другого. Одинъ изъ нихъ часто озирался по сторонамъ, чтобы случайно не нагрянулъ начальникъ или еще кто. Имъ, казалось, было весело; поминуто смѣялись они надъ остротами Мишки.

Послѣдній въ команду къ намъ пришелъ во время отступленія въ 15-мъ году, и его за веселый нравъ любила вся команда. Средняго роста, широкоплечій, съ бѣлымъ лицомъ, съ густыми, черными, какъ уголь, волосами, бритой бородой, ямкой на подбородкѣ, что, по словамъ солдатъ, означало хитрость, въ рваной, засаленной, защитнаго цвѣта гимнастеркѣ, въ такихъ же широкихъ шароварахъ и въ рваныхъ сапогахъ. Говорилъ онъ всегда басомъ и немного въ носъ. При разговорѣ ротъ его суживался въ трубочку, и ямка на подбородкѣ дѣлалась еще глубже.

Сейчасъ онъ сорвалъ банкъ въ 80 коп., что, по игрѣ, означало довольно крупную сумму, при чемъ банкиръ ему безъ злобы замѣтилъ:

— Зачѣмъ ты, Миша, всѣхъ обыгрываешь? Меня ни одного разу не пропустишь.

— Гм... зачѣмъ обыгрываешь? А ты не знаешь, что завтра наступленіе: выбросятъ всѣ снаряды, а чтобъ надѣлать новыхъ, нужны деньги, и, кромѣ того, письмо Еленѣ Петровнѣ—ненужно, что-ли, послать? Эхъ, дай-ка, Дема, я лучше дурака поваляю,—добавилъ онъ, оскаливъ зубы, и, схвативъ изъ фуражки засаленную десятикопеечную марку, онъ началъ перебрасывать ее изъ одной руки въ другую.

Всѣ разсмѣялись.

— Да и вправду онъ дуракъ...—подтвердилъ еще одинъ, оправившись отъ смѣха.

— Не дуракъ, а сроду такъ,—бей его!—крикнулъ другой, выхватывая у Мишки изъ рукъ марку, и на изображенный на маркѣ портретъ Николая второго сыплется градъ щелчковъ и ругательствъ.

— А чтобъ его на воблу посадить?

— Хотя бъ въ одинъ бой...

— Цикорія попретъ...

— Касторки не надо...

— Сдрефитъ...

— Не въ ту бы дудку запѣлъ...—отзывалась „кобылка“ по адресу своего повелителя, и такъ бы продолжалось безъ конца, если бы одинъ изъ нихъ, ефрейторъ, не замѣтилъ:

— Ребята, перестаньте,—еще услышитъ кто, тогда пропали...

— Чего тамъ бояться?! Они меня двѣнадцать лѣтъ разстрѣливаютъ да въ тюрьму сажаютъ, а я еще все живъ, и хоть бы хны!—сказалъ Мишка.

— Вѣрно, вѣрно, Миша. Это боится только ефрейторъ—собака,—на другую лычку тянется.

— По-за глазамъ и царя ругаютъ...—бухнулъ Ливадкинъ.

Мишка первый разсмѣялся.

— Ты что, Ливадкинъ, спишь или обуваешься? Про кого мы сейчасъ и говоримъ?

Ливадкину пришлось замолчать. Въ это время къ Демѣ пришелъ бубновый тузъ, и Мишка, какъ рядомъ сидѣвшій съ нимъ, увидѣлъ туза и счелъ нужнымъ посовѣтовать:

— Крой, Дема, по банку,—что думаешь? Если на эту карту не итти, тогда вовсе играть не надо.

Дема съ минуту раздумывалъ—итти иль нѣтъ, но, наконецъ, рѣшился:

— Сколько у тебя въ банкѣ?

Банкиръ сталъ считать: перебиралъ нѣсколько разъ засаленныя марки и, наконецъ, счелъ.

— Рупь тридцать, и за нимъ десять копеекъ,—сказалъ онъ, указывая на одного изъ игроковъ.

— Давай только на наличныя.

Банкиръ даетъ Демѣ карту. Послѣдній сначала положилъ ее на своего туза, приложилъ къ губамъ, дунулъ между нихъ два раза и сталъ „мулить“, т.-е. постепенно вытягивать, но, не выдернувъ и на полсантиметра, закрылъ снова и думаетъ.

Окружающіе начали другъ передъ другомъ засыпать Дему вопросами:

— Что Дема, связь?

— Разводящій?

— Узкоколейный фельдфебель?

— Хорошо, если молодой, а старый не особенно того... къ молодому прикупить не такъ страшно...

— А если „самодуриха“ придетъ или „Дядя Егоръ“, „Дядя Сергѣй“ иль „Дядя Мустафанъ“,—хуже нѣтъ...—заключилъ Мишка на языкѣ солдатъ-игроковъ съ самымъ серьезнѣйшимъ видомъ, сдѣлавъ выводъ о шестеркахъ и короляхъ.

— Берешь, или довольно?—спросилъ Дему банкиръ.

— Давай еще,—все равно, напоилъ...

Дѣйствительно, пришелъ второй тузъ, и Дема со злостью бросилъ карты.

— Ничего, Дема, проигралъ,—шутъ съ нимъ. Зато туза бубноваго посмотрѣлъ... А что пришло-то къ нему?—острилъ Мишка, разсматривая карты, но банкиръ не далъ смотрѣть.

— Дама червей,—сообщилъ Дема.

— А, Опраха,—она любитъ бубноваго...

— За обѣдомъ!!!—крикнули сзади, и всѣ бросили играть.

— Наша тяжелая пріѣхала!

— Шрапнели привезла... (ячменной крупы).

— Новгородской гущи!

— Воблы!

— Чечевицы!

Послышались со всѣхъ сторонъ догадки.

Оказалось, привезли чечевицу. Всѣ набираютъ и острятъ по поводу ея.

— Откуда она появилась,—чортъ ее побралъ!

— Изъ Тамбовской губерніи. Раньше тамбовскихъ лошадей кормили, и теперь, сами знаете, всѣ лошади въ обозъ забраны; имъ выдаютъ фуражъ: овесъ и сѣно, а потому чечевичку уже намъ... не гнить же всякой дряни по амбарамъ; лучше намъ свалить,—солдатская утроба все принимаетъ...—сказалъ Мишка.

— Коль ѣсть захочешь, что угодно слопаешь,—замѣтилъ другой.

— Солдатъ—не собака,—все сожретъ...—пояснилъ третій.

Нужно сказать, что солдаты, какъ въ ротѣ, такъ и въ командѣ, дѣлились на нѣсколько партій. Въ каждомъ взводѣ команды или роты были такія особыя партіи, по пять-шесть человѣкъ. Одинъ изъ нихъ грѣлъ чай, а другой искалъ дрова, третій шелъ за водой и т. д Во время обѣда одни шли съ котелками за супомъ, а другіе выносили хлѣбъ, ложки, растилали по травѣ палатки, у кого онѣ были. Вотъ эта же самая работа происходила и сейчасъ.

Тятька и компанія разсѣлись вокругъ котелковъ около своей землянки. Ливадкинъ, какъ заведенные часы, обыкновенно всегда начиналъ разсказывать о томъ хорошемъ обѣдѣ и чаркѣ водки, которые онъ получалъ во время ловли рыбы на Каспійскомъ морѣ, гдѣ работалъ пять лѣтъ сряду отъ одного царицынскаго купца.

— Какъ долбанешь, бывало, сразу, ажно глазищи затрещатъ, а потомъ отрѣжешь съ четверть фунта бѣлуги, запустишь въ ѣдало,—вотъ тѣ и обѣдъ...

Мишка, сидѣвшій какъ-разъ напротивъ съ другой компаніей, при словахъ Ливадкина повернулся къ нему лицомъ, сложилъ по-турецки ноги, протянувъ впередъ руки, оскалилъ зубы и крикнулъ:

— Ливадкинъ, слышь?!

— Что тебѣ надо?

— Что съ тобой станетъ, если тебѣ косушку показать?

— Ничего, что?..—отвѣтилъ спокойно Ливадкинъ.

— Врешь, чортовъ сынъ! Если тебѣ показать сичасъ косушку, то, переэдакъ твою сякъ, перетакъ твою налѣво, я клянусь тебѣ преисподней, всей небесной свитой, Николаемъ Чудотворцемъ, нашей Владимірской Божьей Матью, даю тебѣ голову на отсѣченіе въ томъ, что при видѣ косушки, ты за то, чтобы пробку отъ нея понюхать, цѣлый часъ на головѣ проходишь...—и, хлебнувъ два раза изъ котелка, уже обратился къ Тятькѣ:

— Знаешь, что, Тятька,—ты жени его, а то паря совсѣмъ съ панталыги свихнется...

— Да я ихъ скоро всѣхъ поженю, какъ въ резервъ придемъ, только водки такимъ мозглякамъ давать не надо... вишь, онъ съ ней какой сталъ; женился еще, пайгашъ, въ восемнадцать лѣтъ и жену бросилъ... Эхъ, водочка, губитъ нашего брата, изъ-за ней, кажись, мы и здѣсь-то больше страдаемъ, — сказалъ Тятька, пристально всматриваясь въ котелки, и вдругъ вздрогнулъ:

— Ай! Бр-р..! Смотрите, ребята, плаваетъ что-то сверху!

— Ну, сожрешь, не великій баринъ, — еще жирнѣе будешь, — сказалъ Кирюша, прозванный «прожекторомъ» за то, что постоянно водилъ бѣлыми, вытаращенными зрачками.

— Наворачивай, ребята, что смотрѣть!

— Нѣтъ, лучше перельемъ черезъ что-нибудь. Водушку хлебать будемъ, а чечевицу выбросимъ,—посовѣтовалъ Логиновъ.

— Да и вправду перелить надо... тутъ разной падали чортъ знаетъ сколько, а мы какъ-никакъ тоже люди...—принялъ предложеніе Тятька.

Начали переливать изъ одного котелка въ другой и удалять чечевицу, а потомъ принялись хлебать только одну воду съ черствымъ, заплесневѣлымъ хлѣбомъ и опять, конечно, для здоровья. Для солдата представлялось, что это нельзя ѣсть только кому-нибудь, а ему, солдату,

все по зубамъ, и нѣтъ такой пищи, которую бы онъ могъ бы отбросить,—все было хорошо и уничтожалось для здоровья.

2.

Послѣ обѣда кто принялся за свои прежнія занятія, а большая часть отправилась грѣть чай или варить кашу, дополнять свой желудокъ, чѣмъ придется.

— Ты что, Дема, чай хочешь грѣть?—спросилъ Мишка, вылѣзая изъ землянки,

— Да, думаю... ничего больше не остается дѣлать,—водушки похлебали, а теперь водушкой запьемъ. Солдать и живетъ, вѣдь, только чаемъ, лишь бы сахару давали...

— У насъ сахару-то осталось только на два раза, и больше нѣтъ, а выдавать чортъ знаетъ когда будутъ.

— Сегодня попьемъ разокъ, на завтра, къ утру, оставимъ, а вечеромъ все можетъ быть... и вправду будетъ наступленіе: смотри, артиллеристы телефонъ вездѣ проводятъ.

— Ну, ладно, грѣй чай, а я кашу буду варить.

— Масла жъ нѣту,—сухую, что ли, будемъ ѣсть?

— И такъ слопаемъ,—масло не про насъ...—и съ этими словами Мишка взялъ котелокъ, всыпалъ въ него, сколько нужно, гречневой крупы и отправился вмѣстѣ съ Демой за водой на опушку лѣса, въ болотную яму.

Я и Моська (хохолъ) лежали вдвоемъ въ землянкѣ. Онъ, какъ лодырь изъ перваго десятка, гналъ меня грѣть чай, а я, нисколько не уступавшій въ лѣни ему, никакъ не могъ собраться, а посему выбрались изъ землянки, развалились около огней, гдѣ варили чай, въ надеждѣ получить отъ кого-либо кружку готоваго.

— Ты что, Миша, кашку варишь?—обратился Моська къ Мишкѣ, такъ какъ послѣдній уже сидѣлъ надъ котелкомъ съ ложкой въ рукѣ, изрѣдка помѣшивая ею кашу.

— Да, кашку, кашку... А ты что, лодырь, подмасливаешься,—что бъ я тебѣ каши далъ? Шалишь! Стараго волка не проведешь...—и, помѣшавъ немного ложкой въ котелкѣ, добавилъ:—Эхъ, кашка, кашка... Она насъ, маленькихъ, не забывала, а мы ее, большіе, никогда не забудемъ!..

Я и Моська разсмѣялись.

— Ты что, хохолъ, зубы скалишь?—и поучительно съ пророчествомъ о нашемъ будущемъ прибавилъ:—Вы пропадете оба, лодыри... Смотрите, вонъ еще Кондейко идетъ—третій лодырь... Троица будетъ, хоть кашу вари.

— Одесса, Одесса!!!—крикнулъ Моська, увидавъ Кондейку.

— Что тебѣ, хохолъ, надо?

— Иди сюда! Мишка кашу варитъ,—въ гости къ нему пойдемъ...

— Такъ я васъ и пригласилъ,—ложки приготовьте, черни отломаю,—отозвался Мишка.

Кондейко разлегся около меня, такъ что я оказался въ серединѣ. Моська осыпалъ Кондейку вопросами:

— Ну, какъ, хочешь ѣхать обратно въ Одессу? Покрутимъ еще жизнь,—не правда ли?

— Нѣтъ, Моська, какъ бы не пришлось остаться здѣсь.

— Что ты зажурился такъ, Одесса? Пока живы,—и поговоримъ о живомъ. Что думаешь?

— Кому не хочется жить,—объ этомъ и говорить даже нечего, а завтра побьютъ напрасно всѣхъ, и больше ничего... — съ горестью въ голосѣ сказалъ Кондейко и началъ перебирать всѣхъ святыхъ, апостоловъ Петра и Павла съ ключами у рая, всѣхъ, кого онъ считалъ виновниками своихъ несчастій, такъ что и Моськѣ, привыкшему ко всякаго рода площадной брани, стало неловко.

— Что ты такъ ругаешься, Одесса?

— Поругаешься, — легче будетъ! Сразу отъ сердца отлегло. Солдатъ только поругается,—и все: никто не увидитъ и не услышитъ... Какъ же, на самомъ дѣлѣ, не ругаться?! Живешь хуже собаки въ этомъ аду, мучаешься, мучаешься, а потомъ пришьютъ, какъ шубную вошь, — за что? Ну, скажи? До войны я ничего не имѣлъ, жилъ, гдѣ день, гдѣ ночь, шлялся, какъ босякъ по Одессѣ; когда сытъ, когда голоденъ, всякая сволочь плевала тебѣ въ харю, нигдѣ не давала проходу, драло семь шкуръ. А какъ началась война, иди защищать отечество,—это нашу-то обдираловку?! Нѣтъ у меня дому своего; за шесть лѣтъ въ Одессѣ я больше половины подъ лодкой ночевалъ, а утрами и цѣлыми днями за несчастные гроши кули на пристани таскалъ; это мнѣ и безъ войны можно. Ты не думай, Моська, что лучше будетъ послѣ войны; тоже ни черта не будешь имѣть, вдобавокъ, еще калѣкой сдѣлаешься, и такъ уже еле ноги волочишь!..

— Калѣки-то мы всѣ калѣки, — возразилъ Моська. Развѣ кто проживетъ долго послѣ войны? — Никогда! Только ты не печалься много, Одесса,—живы будемъ... не помремъ... что дѣлать? Попалъ,— не вывернешься.

— Нѣтъ! Я жить хочу! Пусть меня голаго пѣшкомъ отсюда отправятъ, заберутъ всѣ мои послѣднія тряпки,—все отдамъ, только освободи!

— Ничего не остается дѣлать, какъ самимъ взяться за все...

— Нужно скорѣе браться за нихъ, а то пока возьмемся, такъ всѣхъ уже и продадутъ.

— Эхъ, дожить бы только до этого времени, тогда обязательно вмѣстѣ съ тобой, Моська, поѣдемъ въ Одессу или Владивостокъ...— И съ этими словами Кондейко выругался еще разъ, всталъ и направился въ свою землянку.

Моська крикнулъ ему вслѣдъ:

— Одесса, вечеромъ приходи, поговоримъ еще кой о чемъ!

Къ этому времени многіе уже пили чай, въ числѣ ихъ и нашъ взводный вмѣстѣ со своей компаніей въ восемь человѣкъ. Моська повернулся на правый бокъ, скорчилъ гримасу и, подмигнувъ взводному, крикнулъ:

— Взводный! А-а, взводный!

— Что тебѣ, лодырь, надо?

— Дай кружку чаю?

— А самъ, что ли, не можешь согрѣть? Васъ, вѣдь, двое, — у обоихъ морды кирпича просятъ, а чаю для себя согрѣть не могутъ...— сказалъ взводный и, хлебнувъ изъ кружки нѣсколько разъ, согласился дать кружку:

— Налей, что ли, ужъ кружку, только не полную.

Я все время не могъ проговорить ни одного слова. Сказанное Кондейкой сдѣлало меня нѣмымъ. Хотѣлось понять, совмѣстить въ себѣ всю ненависть Кондейки къ своимъ злѣйшимъ, заклятымъ врагамъ и его любовь къ жизни, какова бы она ни была.

Сама природа въ этотъ день вовсе не располагала къ думамъ о смерти, о всѣхъ нечеловѣческихъ лишеніяхъ, какія приходилось и придется претерпѣвать.

Радостное солнце такъ играло своими жгучими лучами и обнимало ими эту изуродованную изрытую снарядами и лопатами землю, изуродованную природу,—порубленные дубы, поломанныя вѣтви, измятую траву,—что невольно хотѣлось забыть эту мрачную картину дѣйствительности, обмануть себя, представить, что это былъ кошмаръ. А безпредѣльная даль свѣтлаго неба такъ и манила туда далеко, далеко, за тридевять земель:

Гдѣ люди чуждые живутъ.
Нужды несчастія не знаютъ,
И войнъ жестокихъ не ведутъ,
Другъ-друга братомъ называютъ;
Гдѣ безгранично всѣ вольны,
Такихъ тирановъ не бываетъ,
И безразлично всѣ равны,
И миръ надъ ними пребываетъ.
О злѣ никто тамъ не слыхалъ.
Любовь,—и слова нѣтъ иного.
Сейчасъ я только и желалъ
Такого житія земного.

Моська толкнулъ меня, и я очнулся.

— Петька, смотри, взводный чаю согрѣлъ: бѣги за кружкой, подстрѣлимъ одну, и намъ хватитъ.

Я отправился въ землянку и принесъ кружку, которая вмѣстимостью не уступала солдатскому котелку, и было время, когда мы, за неимѣніемъ послѣдняго, брали въ нее обѣдъ. Моська взялъ отъ меня кружку и на спинѣ пополъзъ за чаемъ.

— Смотрите на лодыря: онъ даже и встать не можетъ за готовымъ чаемъ. Не давайте ему!—крикнулъ Мишка, снимая съ огня котелокъ.

— Все равно, не встану, — пусть пропадетъ и кружка чаю...— отозвался Моська.—Я вамъ сказалъ, кажется, разъ навсегда, что всю жизнь буду палкой груши околачивать...

Онъ приполъзъ къ котелку и налилъ себѣ полную кружку, такъ что въ немъ не осталось почти ничего. Обратно на спинѣ онъ приполъзъ ко мнѣ и началъ пить. Выпилъ половину и предложилъ мнѣ, но, хотя и хотѣлъ пить, почему-то отказался; всталъ и побрелъ на опушку лѣса.

«Все отдамъ, — только освободи!» — не выходили у меня изъ головы эти слова Кондейки. До чего довели человѣка? Онъ отъ всего отказывается, ему ничего не нужно, только не мѣшайте ему жить, — онъ жить хочетъ! Не даютъ жить! Заставили быть здѣсь: въ каждую минуту проклинать все живущее, все святое, отказаться отъ самого себя.

Нѣтъ, это все пошло... мерзко...

Я легъ на траву, около рытаго когда-то колодца, на самой опушкѣ лѣса и незамѣтно для себя сразу уснулъ. Солнце уже поднялось надъ горизонтомъ и своими прощальными лучами нѣжно ласкало лѣсъ и травянистое болото, утоптанныя полосы пшеницы и стебли картофеля. Когда я проснулся, съ болота поднимался туманъ, и охватывало сырымъ холодомъ. Около землянокъ толпились и кричали солдаты, собираясь на развѣдку.

Мнѣ не нужно сегодня итти, потому что я былъ вчера, а также и Моська. Я пришелъ въ землянку, взялъ описанную выше дарственную книжечку и на чистой корочкѣ сталъ писать. Моська, оказывается, тоже спалъ, а сейчасъ проснулся, вытиралъ рукавомъ глаза и молчалъ. Въ землянкѣ было темно, вовсе не видно писать, а посему я вылѣзъ наружу и присѣлъ на верхнюю земляную ступеньку лѣстницы.

— Что ты, бойстрюкъ, пишешь? — обратился ко мнѣ Моська, когда я кончилъ, а до этого онъ все время смотрѣлъ на меня.

— Мало ли что! Хочешь, прочту?

— Письмо кому, что ли?

— Нѣтъ, не письмо, а вотъ такую штуку:

На родину душа моя стремится,
И мысли всѣ направлены къ тому,
Но все въ душѣ неясное мнѣ мнится;
Я мыслю—нѣтъ возврата никому.
И часто такъ въ свободныя минуты
Переношу мечты свои въ тотъ край,
Гдѣ для меня предверія замкнуты,
И мнится, — тамъ другой, небесный рай.
И тамъ я вижу мать свою, старушку,
Всегда ея печальный, грустный взоръ,
Полуразрушенную, старую лачужку,
Давно уже заглохшій, старый дворъ,
Тамъ я въ глуши провелъ всѣ годы дѣтства,
И съ юныхъ лѣтъ я міръ тотъ полюбилъ
И часто въ постигавшія ихъ бѣдства
Всегда за ниҳъ Всевышняго молилъ.

— Ахъ, ты, бойстрюкъ! Еще глупый мальчишка, а такую штуку сочинилъ!..—поспѣшилъ Моська оцѣнить меня и то, что я написалъ.

— Писемъ не было?—спросилъ я его.

— Я письмо получилъ отъ отца; тебѣ нѣту. Знаешь, для меня это какая радость?! Ты можешь представить, что за три года я получилъ только первое письмо, а десять лѣтъ вотъ уже какъ не видалъ старика. И то, оказывается, не онъ написалъ, хотя и грамотный, и самъ не можетъ ничего, полтора мѣсяца больной лежитъ, съ постели не встаетъ и пишетъ: «все равно, молъ, умру». Хату прибрать некому, и поѣсть никто не приготовитъ: лежи и прямо живьемъ лѣзь въ могилу; пособія ни за меня, ни за старшаго брата не даютъ, и даже неизвѣстно, гдѣ онъ и находится: весной писалъ, а теперь ни мнѣ, ни отцу извѣстія никакого нѣтъ... Можетъ-быть, уже убили давно. Жаль старика, но ничего не подѣлаешь, — все равно, сейчасъ въ отпускъ не пустятъ.

Моська глубоко вздохнулъ и замолкъ. Мнѣ стало невыносимо грустно и жутко, и я, чтобы избавиться отъ такого неловкаго состоянія, рѣшилъ развлечься разговоромъ и спросилъ:

— Много было писемъ?

— Нѣтъ, не особенно много... Ихъ Быковъ привезъ изъ обоза.

— Быковъ же въ Новгородѣ, говорили?!

— Вотъ онъ оттуда убѣжалъ и сегодня сюда пришелъ... Разсказываетъ, что жить въ тылу стало плохо: ничего нигдѣ нѣтъ, еще будутъ скоро ратниковъ набирать и новобранцевъ.

Это сообщеніе мнѣ снова не понравилось, и я съ грустью сказалъ:

— Все равно, и тѣхъ перебьютъ... Лучше разскажи, Моська, про старое что-нибудь, про жизнь свою прежнюю; я думаю, спать теперь не будешь?

— И вѣрно, Петька, не будемъ спать сегодня, дождемся, какъ орудія станутъ бить, а завтра днемъ и выспимся.

— Ну, да... но только разскажи что-нибудь!

— Да, что я тебѣ, бойстрюкъ, буду разсказывать... Все будешь знать, скоро состаришься...

— Про свою жизнь разскажи...—настаивалъ я.

— Про жизнь мою,—выговорилъ задумчиво Моська,—если разсказывать, такъ надо сидѣть три дня и три ночи... мало-ли гдѣ я былъ, всю землю три раза изъѣздилъ. Ты знаешь, какая жизнь наша: чуть вылупился и уже начинай самъ зарабатывать копейку; съ десяти лѣтъ пришлось начать путаться по бѣлу-свѣту. Земли у насъ мало, а два брата,—ни тому, ни другому не хватитъ, и пришлось отцу меня въ ученье къ кузнецу въ уѣздный городъ отдать. Поучился тамъ годъ, надоѣло и убѣжалъ въ Одессу. На пристани началъ помогать грузчикамъ, кормили за это, тамъ и съ Кондейкой познакомился, тоже мальчишкой еще былъ, и такъ до самой рекрутчины пробо?тался тамъ, а къ набору задумалъ домой ѣхать.

И онъ мнѣ подробно разсказалъ свое путешествіе на родину:

— Одно пальтишко дрянное было тогда у меня, ни гроша въ карманѣ. Кой-какъ упросилъ кондуктора взять на поѣздъ даромъ—довезъ до Харькова, а тамъ пришлось слѣзть, потому что новый контролеръ проходилъ и прогналъ. Что дѣлать?—продалъ сначала барашковый воротникъ съ пальта за тридцать копеекъ; и только на жратву хватило. Сижу на станціи, жду, когда товарный поѣздъ отправится, тамъ какъ-нибудь заскочу на тормазъ незамѣтно и уѣду... Удалось все-таки, но проѣхали только сто верстъ, какихъ-нибудь три станціи до своего города не могъ доѣхать,—согнали съ поѣзда. Не знаю, куда дѣваться. Поплелъ, наконецъ, на базаръ, одному еврею продалъ пальто за два рубля; и первымъ дѣломъ подзавинтилъ, конечно, какъ слѣдуетъ, думая опять такимъ путемъ проѣхать на даровщину, но ссадили на послѣдней станціи. Цѣлую ночь просидѣлъ на вокзалѣ, прождалъ поѣзда, но ни на одинъ не попалъ и запьянствовалъ съ досады на послѣдніе гроши, а ночью пѣшкомъ направился бѣжать въ свой городъ. Бѣжалъ, бѣжалъ да такъ и свалился на полотно дороги, хоть лопни, не могу встать, не несутъ больше ноги. Мерещится въ глазахъ, что за тобой все гонятся... страшно. Какъ ни раздавило тогда,—ужъ чудомъ спасся. Поѣздъ шелъ; и у самого меня подалъ свистокъ; я безъ чувствъ перевалился въ канаву, и онъ прошелъ. Не знаю, сколько пролежалъ въ канавѣ, но когда осмотрѣлся, то оказывается, что я не далеко отъ семафора. Всталъ кое-какъ и приплелся на станцію, а жрать такъ хочу, что, кажется, дохлую бы лошадь сзаду съѣлъ. Увидалъ своего родного дядю, но онъ даже не посмотрѣлъ на меня, голодранца, сразу уѣхалъ. Спасибо, чужой человѣкъ довезъ. Посадилъ меня въ сани, смотрю—сало въ мѣшкѣ и хлѣбъ, досталъ и давай уплетать, а онъ не смотритъ. Нажрался,—выбросилъ мѣшокъ изъ саней; думаю, если спроситъ, то скажу, что не видалъ, должно, вывалился на дорогѣ, или кто еще тамъ на станціи стибрилъ. Ничего не спросилъ; я раньше вылѣзъ, благодарилъ и закаталъ въ свою хату. Отецъ посмотрѣлъ на меня однимъ глазомъ и сказалъ:—„Босяка мнѣ не надо... ты мнѣ не сынокъ—убирайся съ глазъ моихъ прочь“,— съ такимъ благословеніемъ на службу приняли.

Не подчинялся начальству, и пришлось два года въ дисциплинарномъ баталіонѣ отдежурить, а со службы опять въ Одессу укатилъ, на Добровольный флотъ подвезло,—поступилъ. Сразу два плаванія проѣздилъ: въ Америкѣ побылъ, въ Англіи, Франціи, полтора мѣсяца во Владивостокѣ пробылъ и думалъ уже тамъ остаться, но хотѣлось домой заглянуть, и уѣхалъ въ Одессу. Тутъ опять безъ копья оказался. На счастье, въ вагонѣ одна штукенція ко мнѣ привязалась, богатая; вещей съ ней много. Сталъ поддѣлываться. Разсказала, что около Полтавы высаживается. У меня мозги работаютъ во всю. На одной станціи она вышла, на вокзалъ кофію попить. Я не дремалъ: моментально нашелъ товарища, выбросилъ всѣ вещи за окно, думаю, продать. Стащили за вагоны и жду, когда отойдетъ поѣздъ. Десять рублей было еще въ карманѣ. Пять отдалъ помощнику своему, а за три нанялъ извозчика и поѣхалъ въ село продавать. Занялъ на базарѣ мѣсто, раскрылъ сундуки, а тамъ, оказывается, только платье: сорочки, юбки, панталоны и тому подобная дребедень. Стою, жду покупателей. Рублей на двѣсти у ней разнаго хламья было, а я все спустилъ за пятьдесятъ; и со слѣдующимъ поѣздомъ уѣхалъ.

— А какъ тебя не искали?—спросилъ я.

— Какое, не искали, но ищи вѣтра въ полѣ... Она ходила, поспрашивала да такъ и уѣхала ни съ чѣмъ.

Моська нѣсколько минутъ многозначительно улыбался, а я свернулъ двѣ цигарки: одну далъ ему; и мы закурили. Его уже не нужно было теперь спрашивать дальше; онъ такъ разошелся, что началъ разсказывать не отдѣльные случаи изъ своей жизни, а все подробно: какъ пріѣхалъ домой, какъ женился и черезъ три мѣсяца бросилъ жену, какъ его заподозрили въ поджогѣ, и онъ отсидѣлъ въ острогѣ въ уѣздномъ городѣ, и какъ потомъ уѣхалъ во Владивостокъ и прожилъ тамъ девять лѣтъ.

— Во Владивостокѣ сначала кучеромъ къ одному богатому барину поступилъ. Вотъ гдѣ житье было,—какъ сыръ въ маслѣ катался. Что мнѣ стоило утромъ почистить двухъ лошадей и экипажъ? Два часа провожусь на конюшнѣ и дую на кухню, а тамъ ужъ кухарка тебѣ наготовила всего, ѣшь, что твоей душѣ угодно,—даже баринъ никогда того не видалъ, что она мнѣ приготовитъ, а все потому, что втрещилась въ меня. Сколько я за свою жизнь съ дѣвками погрѣшилъ,—это одному черту извѣстно. Какъ она хотѣла, чтобъ я на ней женился, но я былъ не дуракъ,—все отводилъ дальше, а только пользовался случаемъ пожить. Намъ было отведено двѣ комнаты: въ одной для меня стояла постель, а въ другой для нея, но я почти ни разу за полгода, что былъ тамъ, не спалъ на своей койкѣ. Какъ не хотѣлось разставаться съ этой должностью, но барыня, когда узнала про насъ, такъ сразу стала гнать ее, а я ушелъ вмѣсто нея,—думаю, не стоитъ гнать кухарку вовсе: тутъ я больше виноватъ и, несмотря на уговоры барина, ушелъ. Послѣ этого два мѣсяца извозчикомъ отъ хозяина служилъ, но онъ разсчиталъ за пьянство, и съ тѣхъ поръ утвердился въ заведеніи. Тамъ-то я и связался съ этой Женькой, что на карточкѣ то у меня: она оказалась моей землячкой и, благодаря ей, черезъ двѣ недѣли меня назначили котомъ, сирѣчь вышибалой. Проклятая ваканція, но за то прибыльно: и деньги большія, и каждый день пьянъ до зела, а на ночь къ ней. Хозяинъ, конечно, смекнулъ, что если такъ будетъ, то отъ Женьки никакой пользы не будетъ,—такъ какъ я задаромъ бралъ на ночь, то она перешла изъ-за этого въ другое заведеніе. Эхъ, и покру-

тилъ я съ ней! Всѣ дѣвки такихъ любятъ отчаянныхъ, а я въ этомъ никому не уступалъ. Жить въ одно время съ ней задумалъ. Соскопилось у меня триста рублей въ одно время, взялъ ее изъ заведенія, самъ вышелъ; и два мѣсяца мы кутили, что называется, во всю. У ней тоже деньжонки были, а когда прогорѣли, опять на старое мѣсто. Семь лѣтъ такъ почти жилъ, но вотъ съ матросомъ когда исторія вышла мнѣ, грозила смерть, и я скрылся. Поступилъ обратно на Добровольный флотъ и снова объѣхалъ всю землю. Промотался въ конецъ и вернулся во Владивостокъ къ ней въ заведеніе уже форменнымъ босякомъ. Моментально достаетъ она шестьдесятъ рублей изъ чулка—всѣ..... туда деньги прячутъ...—„На,—говоритъ,—иди покупай себѣ одежду“.—И я одѣлся. Купилъ діагоналевыя брюки, пиджакъ, крахмальную рубашку и ботинки. Вотъ какая баба была! Другіе думаютъ, что въ заведеніи такъ ужъ самая пропащая скотина, а, между тѣмъ, тамъ лучше откликнутся на чужое горе, чѣмъ кто-нибудь изъ „честныхъ“,—съ презрѣніемъ отозвался Моська о „честныхъ“.

— Ты знаешь, она меня выручала раньше разъ десять. Придешь, бывало, безъ штановъ, въ однихъ опоркахъ къ ней въ номеръ. Уборный китаецъ встрѣчаетъ тебя, какъ стараго знакомаго.

— А, ходя, ты была капитанъ, а теперь нако босякъ. Сейчасъ бѣжитъ она и покупаетъ, что тебѣ надо. Съ такой бабой нигдѣ не пропадешь. Сюда на позицію, ты самъ видишь, вотъ уже девятую посылку прислала, а напиши, что денегъ надо, и сразу пришлетъ. Собачья жизнь, конечно, и много грѣховъ виситъ у меня на шеѣ, но я нисколько не думалъ никогда, чтобы остаться такъ. Думаешь, что я погибъ совсѣмъ? Или души во мнѣ нѣтъ? Эхъ, бойстрюкъ, ты не знаешь, какъ болитъ моя душа. Живому бы только остаться, теперь бы я зналъ, какъ жить надо. Хочешь со мной, какъ кончится война, ѣхать во Владивостокъ? Кончайся она, проклятая, скорѣе! Ничего намъ не нужно, только живому быть, а тамъ все будетъ...

— Моська, помнишь, тебѣ старуха въ Поставахъ гадала, что тебя убьютъ?—перебилъ я его.

— Ну ихъ къ черту, всѣхъ старухъ! Что онѣ ни скажутъ,—и вѣрить всему?—отвѣтилъ онъ, но я замѣтилъ въ его голосѣ нетвердость вѣры въ себя и рѣшилъ отвлечь отъ тяжелыхъ мыслей.

— Жрать хочется, Мося, давай скострячимъ что-нибудь до сна?

— Я за картошкой схожу, а ты, бойстрюкъ, чаю согрѣешь,—изъявилъ онъ готовность первый разъ за два года, такъ что я не могъ повѣрить.

— Неужели ты, Моська, за картошкой пойдешь? Ей-Богу, это не къ добру, что-нибудь осебенное будетъ, надо обязательно въ памятную книжку записать.

— Довольно тебѣ, бойстрюкъ, гавкать! А то какъ вдарю, такъ больше не пикнешь!—вскричалъ разсерженный Моська и быстро вскочилъ, что также никогда не случалось, взялъ два котелка и отправился рыть картошку на опушку лѣса. Вслѣдъ за нимъ я вылѣзъ изъ землянки, стянулъ молча котелокъ у Тятьки и пошелъ за водой на чай.

Лѣтняя ночь подернула землю сѣрой теменью и несла сырость съ болота. Ясное небо блѣдно свѣтило звѣздами. Дубы шептались о чемъ-то, тревожимые вѣтеркомъ. Невольно становилось жутко отъ мертвой тишины кругомъ и шепота природы. Я шелъ быстро къ болотной ямѣ, отскакивая на каждомъ шагу отъ лягушекъ, которыя цѣлыми стадами прыгали по тропинкѣ.

Спали солдаты; и только человѣкъ пять, не желавшіе отдохнуть, сидѣли около блѣднаго огонька и грѣли чай. По отдѣльнымъ словамъ я догадался, что они говорили по поводу предстоящаго наступленія.

На позиціи царила мертвая тишина; ни одного выстрѣла, только изрѣдка нѣмцы бросали ракеты. Тишина, какъ говорится, всегда передъ грозой. Завтра въ это время, можетъ-быть, изъ насъ никого въ живыхъ не останется, или поѣдемъ съ оторванными ногами въ лазареты лѣчиться, а потомъ всю жизнь придется собирать гроши, стоять или сидѣть по угламъ улицъ въ городахъ и съ завистью смотрѣть на прохожихъ людей—здоровыхъ и сильныхъ, не сочувствующихъ нашему горю, несчастью. Такъ думалъ каждый изъ этихъ не спавшихъ солдатъ, и эти мысли выдавали ихъ взволнованныя, неузнаваемыя лица.

Я уже успѣлъ согрѣть чай, пока Моська явился съ двумя котелками картошки. На опушкѣ лѣса оказалось, что она вся уже выкопана, и ему пришлось ходить къ разрушенному фольварку.

— Что, Мося, такъ долго проходилъ?—спросилъ я его.

— Не гавкай, бойстрюкъ...—безцвѣтно отозвался онъ, всматриваясь въ сѣрую тьму ночи, но когда увидалъ согрѣтый чай, обрадовался.

— Э-э, ты уже чаю согрѣлъ?! Давай выпьемъ его, а потомъ будешь картошку варить.

Я согласился.

— Все равно, выпьемъ чаю,—времени у насъ хватитъ...

Пока мы съ Моськой пили чай, варили и ѣли картошку, уже разсвѣло. За лѣсомъ показалось солнце и бросало косые лучи на землю между деревьевъ. Проснулась природа. Лѣсъ вздрогнулъ и зашумѣлъ листьями. Квакали въ болотѣ лягушки. Зашевелилось въ кустахъ: кроты и мыши прятались въ норы. Не было только птицъ; не слышно было ихъ пѣнія; ни одна изъ нихъ, кромѣ ворона, не водилась около позиціи. Болото подернуло туманомъ; и скрылся изъ глазъ лѣсъ за рѣкою.

Безформенная полоса яснаго неба виднѣлась глазу съ однимъ бѣло-снѣжнымъ облачкомъ на южной сторонѣ. Оно, казалось, было живымъ; будто Алексѣй—Божій Человѣкъ сидитъ, согнувшись надъ громаднымъ листомъ бумаги, съ гусинымъ перомъ въ правой рукѣ и пишетъ доносъ Богу о грѣхахъ злыхъ и печальныхъ людей, и грозно смотритъ на насъ съ Моськой, какъ на двухъ заправскихъ бродягъ, не иначе. Если бы кто и взглянулъ на насъ съ земли, то и онъ бы согласился съ этимъ облачнымъ человѣкомъ.

Мы сидѣли около догоравшаго костра, въ вырытой нарочно для огня ямкѣ, и подкладывали послѣднія головешки. Оба мы были рваные и грязные. Моська сидѣлъ на другомъ краю ямки съ суковатой палкой въ рукѣ и запускалъ ее къ себѣ въ рваный сапогъ подъ подметку. Это означало, что онъ кормитъ сапогъ, и съ каждымъ толчкомъ палка уходила все глубже и глубже, показывая грязную портянку. И, когда палка легче уходила въ сапогъ, онъ приговаривалъ одно:

— На, жри!

Наконецъ, это занятіе надоѣло ему: онъ вытащилъ палку, подбросилъ мелкіе головешки въ кучку на горящіе угли и ее бережно положилъ сверху; вынулъ изъ кармана тощій кисетъ и сталъ вытряхивать изъ него послѣдній табакъ,—все до одной пылинки, и затѣмъ бросилъ его прямо въ огонь.

Я хотѣлъ-было снять его съ огня и нагнулся.

— Не тронь! Пусть горитъ...

— Еще пригодится, зачѣмъ бросилъ?

— Не гавкай, не твое дѣло,—не нуженъ больше... вотъ закурю и пойду спать.

Вдругъ раздался выстрѣлъ изъ орудія, и легкій снарядъ со свистомъ пролетѣлъ за рѣку, отдаваясь громкимъ эхомъ по лѣсу, а тамъ, гдѣ-то далеко, скатился быстро по желѣзной лѣстницѣ внизъ и разорвался.

Невольно вздрогнули мы оба, но когда Моська убѣдился, что выстрѣлъ былъ съ нашей стороны, онъ улыбнулся и воскликнулъ:

— О-о! Началось!..

За выстрѣломъ послѣдовалъ сразу другой и третій, а минутъ черезъ десять пошла безпрерывная стрѣльба со всѣхъ батарей.

Многіе проснулись и вышли послушать. Въ воздухѣ надъ нашими головами начали жужжать снаряды, пущенныя изъ тяжелыхъ орудій.

— О, жуки зажужжали! Только хватай да ѣшь, нѣмецъ!—произнесъ Мишка, вылѣзая изъ землянки, съ заспанными глазами.

— А-а, Миша!! Здравствуй!—встрѣтилъ его Моська.

— Ты что тутъ, чернота, сидишь, чего ждешь,—чаю, что ли?

Моська поспѣшилъ сообщить о своихъ дѣлахъ.

— Не жду, а самъ согрѣлъ и картошки принесъ.

— Да что ты?!—Мишка остолбенѣлъ.—Не къ добру, что-нибудь будетъ, хоть къ бабушкѣ не ходи.

Послѣдовалъ рѣзкій залпъ съ ближнихъ двухъ батарей, такъ что зазвенѣло въ ушахъ.

Моська приложилъ руки къ ушамъ и закричалъ:

— Поддай! Поддай! Такъ ли они насъ угощали?!

— Подожди, разсердятъ его, такъ угоститъ еще... здѣсь мѣста тебѣ не хватитъ!—предупредилъ Мишка.

Дѣйствительно, его предположенія сбылись. Не прошло и трехъ минутъ, какъ просвистѣлъ легкій снарядъ и разорвался недалеко отъ хутора.

— Вотъ онъ тутъ, какъ тутъ! — Это уже нашъ,—разъ къ намъ прилетѣлъ...—сказалъ Мишка, вопросительно взглянувъ на Моську.

Нѣмецъ не на шутку принялся разбрасывать около насъ снаряды, нащупывая наши батареи, почему пришлось всѣмъ забраться въ землянки. Моська пошарилъ въ карманѣ, должно-быть, отыскивая кисетъ, но вспомнилъ, что бросилъ пустой въ огонь, легъ на спину и слѣдилъ за выстрѣлами, особенно нашими, при чемъ былъ доволенъ, махалъ рукою, приговаривая:

— На, получи! Небось всѣ тоже попрятались сразу, каково?!

— Что ты, Моська, — конечно, всѣ попрятались; они вѣдь тоже люди, не желѣзные, имъ, какъ и тебѣ, не хочется здѣсь сидѣть, не хочется одинаково умирать,— старался я объяснить ему, послѣ чего онъ скоро умолкъ.

Несмотря на сильную канонаду, мы скоро уснули.

Мнѣ почему-то еще захотѣлось посмотрѣть пристально на Моську. Онъ лежалъ неподвижно. Бѣлое лицо, обросшее черной, щетинистой бородой; было потно и блѣдно. Оно не выражало ничего, кромѣ душевныхъ волненій и предчувствія чего-то страшнаго, нехорошаго. Большіе черные усы, вопреки прежнимъ правиламъ, не торчали вверхъ, а растрепались и свѣсились внизъ. Широкая грудь медленно то опускалась, то поднималась. Показалось удивительнымъ мое особенное вниманіе къ нему, и я съ невольнымъ страхомъ отвернулся къ противоположной глинистой стѣнѣ землянки, а черезъ нѣсколько времени тоже уснулъ.

Канонада продолжалась цѣлый день, не переставая. Похоже было на то, что кузнецы собрались вмѣстѣ и ковали пудовыми молотами громадный, въ нѣсколько верстъ длиною и шириною желѣзный листъ, желая расплющить его, какъ можно тоньше. И такъ цѣлый день безъ отдыху куютъ и куютъ, изрѣдка останавливаясь и ломая края листа.

Еврей Давыдка тщетно старался узнать, какъ разбито проволочное загражденіе и окопы, у раненыхъ, но они опредѣленнаго ничего не могли сказать. Привыкшій узнавать всегда все, что творится вокругъ, онъ не вытерпѣлъ и направился поближе къ позиціи, но не успѣлъ дойти и до опушки лѣса, гдѣ находился полковой резервъ, какъ нѣмецъ принялся обстрѣливать дорогу шрапнелью, и его ранило, такъ что вмѣсто команды ему пришлось свѣдѣнія везти далеко въ тылъ, въ одинъ изъ лазаретовъ.

Раненыхъ солдатъ шло очень много, но ни одинъ изъ нихъ не могъ дать опредѣленныхъ свѣдѣній относительно артиллерійской подготовки. На самомъ дѣлѣ, раненый не могъ видѣть этого, потому что ему нельзя было высунуть носа—не только смотрѣть, какъ повредило снарядами загражденіе и окопы; этотъ участокъ нѣмецъ не оставлялъ ни на минуту въ покоѣ, все время засыпалъ гранатами и тяжелой бризантной шрапнелью.

Каждый это понималъ и зналъ, т.-е. то, что не узнаетъ отъ раненаго ничего, но онъ все же спрашивалъ, потому что это необходимо знать, потому что онъ долженъ будетъ пробить, перерѣзать все то, что не могла разрушить артиллерія, потому что ему, можетъ-быть, придется умереть отъ этого.

Все, что нужно, можно узнать болѣе правдоподобно только съ наблюдательнаго пункта, откуда, дѣйствительно, и сообщалось, что окопы сильно повреждены, а также повреждено и проволочное загражденіе.

Всѣ готовились къ наступленію, хотя я увѣренно скажу, что ни одинъ, на самомъ дѣлѣ, не хотѣлъ его. Многіе записывали адреса другъ у друга, чтобы, въ случаѣ кого-нибудь убьетъ, другіе могли написать его роднымъ о смерти.

Теперь рѣдкій шутилъ, а кто и смѣялся какимъ-то особеннымъ смѣхомъ, отъ котораго сразу становилось страшно.

Въ десять часовъ вечера насъ всѣхъ построили, назначили нѣсколько человѣкъ для связи къ батальоннымъ командирамъ, въ числѣ нихъ и Мишку, и всѣ остальные немедленно отправились въ правую линію въ расцоряженіе командира полка.

Какъ нетрудно и даже почти невозможно было рыть окопы, но все же они, хотя и плохіе, состояли изъ четырехъ линій, соединенныхъ между собою многими ходами. Въ каждой этой линіи и въ каждомъ ходѣ сообщенія были уже цѣпи солдатъ, весь нашъ полкъ и два батальона П* полка, какъ и сообщалось наканунѣ Давыдкой. Они давно сидятъ уже тутъ и ждутъ только сигнала, по которому должны итти въ атаку.

Если кто рѣшался переходить съ мѣста на мѣсто или если даже передвигалась цѣлая рота, то во время этого передвиженія можно было слышать только одну сплошную грубую ругань. Ругались между собой, злобно отталкивали мѣшавшаго итти или стоять, сердились на свой мѣшокъ, висѣвшій сзади, на свои шинель, винтовку, самые окопы и готовы были все, что имъ мѣшало, разорвать на части.

Если бъ затащить сюда свѣжаго человѣка только посмотрѣть на этихъ людей нѣсколько минутъ, онъ бы подумалъ: „Это—звѣри, только съ человѣческими масками, только съ подобіемъ человѣка“.

На самомъ дѣлѣ—это были самые добрые люди, съ самыми лучшими чертами человѣческаго характера, а только они злы; внутреннее сознаніе подсказываетъ имъ, что они сейчасъ идутъ умирать! Идутъ бить того, кто сидитъ напротивъ нихъ въ такихъ же окопахъ, страдаетъ тѣмъ же, чѣмъ и они, только потому, что они въ сѣрыхъ суконныхъ мундирахъ, въ каскахъ, только потому, что они называются нѣмцами, и кто-то назвалъ ихъ врагами Россіи и этихъ людей.

Каждый изъ этой восьмитысячной толпы могъ выбрать одно изъ двухъ: итти или нѣтъ. Не пойдетъ—будетъ тутъ же разстрѣлянъ, и приходилось итти наступать, т.-е. пройти пространство, огражденное безчисленнымъ множествомъ шрапнельныхъ, ружейныхъ и пулеметныхъ пуль, осколковъ снарядовъ, быть убитому просто пулей, осколкомъ или совершенно разнесенному снарядомъ; стать калѣкой съ оторванной ногой или рукой или быть просто легко раненому или сумѣть уцѣлѣть. И думаютъ многіе: „Лучше пойду въ наступленіе: авось, останусь живъ“.

Приготовленіе заняло не менѣе трехъ часовъ, такъ что было уже начало второго, когда бросили сигнальную ракету; наша артиллерія открыла ураганный огонь по резервамъ противника, подъ который цѣпи двинулись впередъ.

Перебѣгали по сквернымъ, наскоро устроеннымъ мостамъ черезъ рѣку, измѣряли собой глубину воды и грязи въ болотѣ, купаясь выше пояса, большею частью ползли прямо по водѣ, измяли весь камышъ, но, къ счастью, благодаря оглушительной стрѣльбѣ артиллеріи, безшумно подошли переднія цѣпи въ загражденію, гдѣ уже нѣмцы увидали (скорѣе, догадались или услыхали звонъ проволоки) и, не медля секунды, открыли сильный пулеметный огонь, который своимъ трескомъ заглушилъ все, про который бы въ другое время солдатъ выразился:

— Ишь, какъ Максимка строчитъ брюки...

Одновременно нѣмецкія батареи начали засыпать заднія цѣпи и резервъ снарядами.

Кто не былъ, тотъ не можетъ представить ужасной картины боя. Его трудно описать словами.

Тысячи шрапнельныхъ и гранатныхъ снарядовъ какъ крупнаго такъ и мелкаго калибра разрывались въ воздухѣ и на землѣ, вырывали громадныя воронки, образуя изъ себя милліоны осколковъ, унося за собою сотни, тысячи человѣческихъ жизней.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, безпрестанная трескотня пулеметовъ и ружей. Все это неслось съ обѣихъ сторонъ. Утро превратилось въ ночь. Все пространство заволокло ѣдкимъ желтымъ пороховымъ дымомъ. Отъ гула разрывавшихся снарядовъ и трескотни пулеметовъ ничего не было слышно, даже неистовое „ура“, крикнутое нѣсколькими тысячами людей, за пятьсотъ шаговъ доносилось сиплымъ, дребезжащимъ звукомъ, какъ изъ-подъ земли. Въ этотъ моментъ люди сошлись другъ съ другомъ, ловили себя на штыки, ничуть не сознавая того, что они дѣлаютъ, а просто безсознательно, какъ звѣри, набрасывались одинъ на другого, видя нечеловѣчески злыми глазами разницу одежды и оружія.

Однимъ словомъ, это былъ адъ, еще страшнѣе, ужаснѣе того, какой малюютъ владимірскіе богомазы и какимъ насъ пугаютъ наши духовные отцы. И все это—этотъ земной адъ—человѣкъ приготовилъ самъ для себя.

Если бъ случайно увлечь за собою въ эту ужасную баню одного изъ добрыхъ буржуевъ, который до сихъ поръ съ пѣной у рта кричитъ: —„Война до по-бѣ-ѣ-днаго конца-а!“,—если какимъ-либо чудомъ уцѣлѣвшій остался живымъ и послѣ боя ушелъ въ недалекій резервъ

и увидѣлъ (къ примѣру) собаку, почему-то игравшую и довольную, то онъ, ей-Богу, моментально схватилъ бы, что попадется подъ руки, и тутъ же бросилъ бы въ невинное животное съ крикомъ:

— Ухъ, ты, подлая! Ты еще дрыгаешь?! Побыла бы со мной,— не стала бъ такъ радоваться!..

Таковъ бой и такова война, затѣянная сильными міра сего для набиванія себѣ кармановъ, для того, чтобы въ этомъ невиданномъ міровомъ побоищѣ нагрѣть руки. И за несчастную жадность къ золоту, къ обогащенію губятъ цѣлые милліоны невинныхъ, здоровыхъ и сильныхъ людей и въ награду за это обдираютъ съ ногъ до головы ихъ семьи, и ихъ, какъ только могутъ, проклинаютъ и именуютъ разными именами въ родѣ:

— Измѣнники! Хамы! Разбойники!

Эхъ!.. Будь ты трижды проклято іудино племя, а особенно духовные отцы, благословившіе войну во имя Христа, Бога. Нельзя не наложить проклятія отъ имени всей порабощенной, одураченной ими массы, и, замѣтьте,—оно въ семьсотъ разъ горше вашей анаѳемы!

Несмотря на жертвы, на этотъ огонь, передніе цѣпи въ какихъ-нибудь полчаса заняли три линіи окоповъ, но тутъ же сразу оказались безъ руководителей, разорвались на части, потеряли между собой связь и въ безпорядкѣ остановились. Съ лѣваго фланга образовался большой прорывъ, никто даже и не замѣтилъ этого.

Стрѣльба на-время прекратилась. Изрѣдка трещалъ пулеметъ, и разрывались снаряды. Шли раненые, вели плѣнныхъ, несли нѣсколько взятыхъ пулеметовъ и бомбометъ. Солдаты немного повеселѣли. Легко раненые смѣялись, разсказывая подробно о томъ, какъ забирали передніе линіи окоповъ, о сопротивленіи нѣмцевъ, объ ихъ устройствѣ окоповъ, загражденій, блиндажей и т. п.

Я еще разъ увидѣлъ Моську, перебѣгавшаго на четверенькахъ по окопу къ взводному, который направилъ его за старшого неизвѣстно куда.

Нѣмецъ снова принялся, какъ горохомъ, засыпать снарядами между бывшими окопами, чтобы не подошли наши части на подкрѣпленіе.

Скоро и мнѣ вмѣстѣ съ Тятькой и Лемешкой пришлось итти по порученію взводнаго. Съ трудомъ переползли по одной балкѣ черезъ рѣку, такъ какъ мостъ уже былъ разрушенъ снарядами. Остановились немного отдохнуть и черезъ минуту обратно поползли съ Тятькой, а Лемешка почему-то остался.

Не успѣли отойти и 40 шаговъ, какъ засвистѣлъ снарядъ и разорвался у самаго моста.

— Убило Лемешку!—вырвалась у обоихъ.

Обождали, пока пролетѣли осколки, быстро вскочили оба и побѣжали, не оглядываясь назадъ. Слѣва нѣмцы открыли по насъ стрѣльбу изъ пулемета, и пришлось снова залечь. Хотя сразу перестали жужжать пули, но мы рѣшили обождать.

Около насъ лежали убитые и тяжело раненые. Послѣдніе стонали и просили о помощи, но кругомъ не было ни одного санитара, и несчастные истекали кровью.

До моего слуха донеслось:

— Боже мой, Боже мой!

Я оглянулся. Это произнесъ одинъ тяжело раненый въ ногу выше колѣна. Онъ лежалъ недалеко отъ меня. Влѣво, напротивъ, рядомъ со мной, лежалъ нѣмецъ и твердилъ что-то непонятное. Онъ, увидѣвъ меня, сталъ приподниматься, но сразу со стономъ упалъ обратно. Я только могъ разобрать:

— Мейнъ Готтъ! Мейнъ Готтъ! (т.-е. Богъ мой, Богъ мой)

— Господи!—подумалъ я самъ про себя.—Что они говорятъ? Два врага лежатъ вмѣстѣ и просятъ одного и того же Бога о помощи. Которому же изъ нихъ. Онъ долженъ помочь?!

Тятька въ это время толкнулъ меня въ плечо.

— Петька, смотри: вонъ нашъ одинъ нѣмца плѣннаго ведетъ, и оба подъ-руку захватились.

Я посмотрѣлъ вправо. Нашъ солдатъ, весь обросшій русой бородой, лѣтъ уже сорока, велъ подъ-руку такого же старика нѣмца, и оба шли безъ винтовки, такъ что сразу не узнать, который изъ нихъ плѣннымъ считается. Идутъ, смотрятъ другъ на друга, улыбаются, а, между тѣмъ, у обоихъ слезы на глазахъ.

— Тятька,—обратился я, всматриваясь въ его лицо,—ты видишь, что они плачутъ? Я, думаю, спрашиваютъ другъ-друга: сколько тебѣ лѣтъ, старина? Сколько у тебя дома дѣтей безъ присмотра и хлѣба осталось?

Тятька закрылъ лицо рукой и сказалъ дрогнувшимъ голосомъ,—онъ плакалъ.

— Побѣжимъ скорѣе,—надо задачу выполнить!—И мы вскочили.

До обстрѣла еще успѣли вернуться обратно. На возвратномъ пути, подойдя къ мосту, мы, вмѣсто Лемешки, увидѣли часть тѣла, вкось разорванную снарядомъ.

Нѣмцы готовились къ контръ-атакѣ. Тяжелыя бризантныя шрапнели стали опять градомъ сыпаться на насъ. Снарядами вовсе отрѣзали выходъ назадъ, и послѣ маленькой подготовки они набросились на насъ съ лѣваго фланга и пришлось отступать, потому что однимъ штыкомъ не отобьешься,—патроновъ нѣтъ, а артиллерія, какъ нарочно, перестала бить. И, никѣмъ не руководимые, безъ патроновъ, пять часовъ лежали солдаты, ожидали, что вотъ-вотъ прикажутъ, что дѣлать, пришлютъ подкрѣпленіе и, хотя дальше не пойдемъ, но, во всякомъ случаѣ, удержимся на занятыхъ позиціяхъ. Нѣмцы за это время сгруппировали свои силы и такъ неожиданно ударили въ прорывъ съ лѣваго фланга, что наши сразу растерялись, побросали оружіе, пулеметы и начали быстро отступать.

Рѣдкій выбѣжалъ. Большая часть осталась въ плѣну убитыми и ранеными.

Вечеромъ, когда было приказано уходить, собралось не больше 50 человѣкъ.

— Развѣ тутъ всѣ наши?—спросилъ я у взводнаго.

— Сорокъ человѣкъ нашихъ побило и покалѣчило...—отвѣтилъ печально взводный и спустя полминуты обратился ко мнѣ:

— А Моську что—уже унесли?

— Да развѣ его убило?!

— Ты развѣ не знаешь? У самаго окопа убило, осколкомъ полчерепа снесло; Быкову руку оторвало и Кондейкѣ, а Мишку тоже убило.

— Да, да, убило Мишку! Некому теперь и повеселить-то насъ больше...—подтвердилъ мнѣ еще подошедшій Васька Степановъ.

Я долго стоялъ, какъ прикованный.

— Моську убили. Да, вѣдь, онъ вчера собирался ѣхать со мной во Владивостокъ, собирался жизнь крутить,—онъ жить хотѣлъ...

Лука Матвѣевъ.

Книгоиздательство и книжный складъ

„КОММУНИСТЪ“.

Москва. Театральная площ., 2-ой домъ Совѣтовъ (бывш. Метрополь).

НА СКЛАДѢ ИМѢЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ:

1. Коммунистическій манифестъ..... 25 к.
2. Ленинъ. Письма о тактикѣ..... 15 к.
3. Его же. Къ лозунгамъ..... 15 к.
   Уроки революціи 48 года..... 8 к.
5. Антоновъ. Война и германская с.-д..... 25 к.
6. Матеріалы по пересмотру партійной программы..... 40 к.
7. Е. Ярославскій. Новая армія (продано)..... 20 к.
8. [illegible] Шайкой международныхъ разбойниковъ“ (продано).. 50 к.
   Къ вопросу о націонализаціи банковъ..... 60 к.
10. Куновъ. Борьба классовъ и партій въ Великой Французской Революціи 1789—1794 гг. Переводъ И. Степанова. Выпускъ I. Ц. 2 р. 50 к. Выпускъ II. Ц. 2 р. 50 к. Выпускъ III и IV (послѣдній) въ одной книгѣ—4 рубля.
11. К. Каутскій. „Путь къ власти“ ..... 1 р. 50 к.
12. [illegible] Программа коммунистовъ-большевиковъ ..... 80 к.
16. А. Богдановъ. Между человѣкомъ и машиною..... ..... 35 к.

Печатаются:

13. Павловичъ (Вельтманъ). Интернаціоналъ смерти и разрушенія.
14. А. Богдановъ. Новый міръ.
    Сверка войны.

На складѣ имѣются всѣ изданія „Прибоя“ и „Жизни и Знанія“.

Книжный складъ „Волна“ имѣетъ библіотечное отдѣленіе, ставящее своею цѣлью составленіе и пополненіе библіотекъ рабочихъ и крестьянскихъ организацій.

Всѣ партійныя, совѣтскія и культурно-просвѣтительныя организаціи имѣютъ скидку.

Книги высылаются немедленно по полученіи стоимости заказа полностью. Упаковка и пересылка за счетъ покупателя.